

К 556
13
ЦЕНА ВОЧОЛ.

КРОКОДИЛ

№ 35 — 36

МОСКВА

ДЕКАБРЬ

1 9 3 4

ИЗД. ГАЗ. „ПРАВДА“

В МОСКВУ, В МОСКВУ, В МОСКВУ!

„В семнадцать лет вы расцвели прелестно,
Неподражаемо, и это вам известно...“

Рис. Л. Еродаты

А. Грибоедов в советской Москве

КАЖДЫЙ САМ СЕБЕ МОСКВИЧ, ИЛИ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СТОЛИЦЕ ДЛЯ ЛИЦ, ПРИБЫВАЮЩИХ С УТРЕННИМИ ПОЕЗДАМИ

СОСТАВЛЕН ПО ЛУЧШИМ ОБРАЗЦАМ
ВЫСОКОХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И ПУТЕВОДИТЕЛЮ ПО МОСКВЕ ЗА 1894 г.

Перепечатка разрешается только с указанием источника. Без указания — тоже

Прошлое Москвы чрезвычайно богато историческими подробностями. Когда-то в Москве был татарский хан, а потом великий князь Сергей Александрович. В промежутке между ними Москва пережила несколько чумных эпидемий и коронаваний на престол. Указывают также на Ажедимитрия и городского голову Н. И. Гучкова, но здесь дело ограничилось мелкими грабжами, не имеющими исторического значения.

Первой исторической личностью с постоянным адресом в Москве был царь Иван, выступавший под псевдонимом Калиты в качестве собирателя. Чего он собирал — почтовые марки или что-то еще другое, — неизвестно. Затем вскоре в Москве был выявлен царь Иван Грозный, известный своей неуживчивостью и склонностью к отрубанию голов. В свободное от отрубания время он пытал своих друзей и знакомых. Это очень мало способствовало хозяйственному росту Москвы, и при царе Иване Грозном она обогатилась только Лобным местом. Это было единственное популярное место, которое не хотел занимать ни один из карьеристов того времени. Некоторое время Москвой управляли бояре. Они ездили на носилках, ели жареных гусей руками и плевали друг другу в бороды в знак неуважения. При их правлении Москва напоминала саиное корыто, слегка украшенное сусальным золотом. В это время люди топили прямо на улицах, даже не понимая, что это неприлично и смущает соседей.

Наконец началась переноска домов. Первый дом, перенесенный в Москву из пригорода, был дом Романовых. При доме, конечно, образовался сейчас же и двор. Это и было началом первых скверных дворов в Москве. Большой толкотни в Москве в то время не было. Она началась приблизительно с Петровского времени, когда поднялась невообразимая толчея — то Софья шла на Петра, то Петр шел на Софью, то стрельцы — друг на друга, то все монолитной колонной — к иностранцам за водкой. Петру Великому так все это надоело, что он уехал в Голландию, а потом вернулся, нашел то же самое, плюнул и основал Петербург. Там же он простудился, умер и был очень интересно описан А. Н. Толстым. Но с отъезда царского двора из Москвы еще не вся грязь была удалена из города. Пласты ее образовывали горы, пригорки, ладшафты и пейзажи.

До самой революции убирать эту грязь стеснялись как имеющую историческое значение. Стоило только кому-нибудь предложить засыпать какую-нибудь канаву, выяснялось, что в ней утонула историческая личность, а иногда даже с теткой и лошадкой, так что это было бы осквернением истории. Если хотели снести какой-нибудь дом, напоминавший нижнюю челюсть паралитика, находились ревнители, указывавшие, что в этом доме стриг мозоли Малюта Скуратов, и дом оставался на месте, пугая извоищных княз и пьяных.

Московские старожилы прыгали по косым тротуарам и мучительно думали:

«Что бы такое сделать из Москвы?»

После Октября и конца гражданской войны пришли новые москвичи и решили сразу:

— Что сделать из Москвы? Город. Большой настоящий город.

И сделали.

А поскольку мы имеем перед собой уже настоящий большой город, к нему необходим и путеводитель.

Пожалуйста.

I. КОЛОРИТНЫЕ УГОЛКИ МОСКВЫ

Поэт сказал:

«Кто царь-колокол поднимет?
Кто царь-пушку повернет?»

Не будем с вами, читатель, поднимать царь-колокол. Это очень тяжело и унести его с собой все равно не дадут. Не будем мы и поворачивать царь-пушку. Это не входит в наши обязанности. Если потребуется, мы повернем пушки не царского происхождения и в более отдаленных от Москвы местах. И туда, куда надо.

Пойдемте лучше прямо осматривать чудные, незабываемые колоритные уголки древней матушки-Москвы.

Вот мы с вами на Сухаревке. Той самой, знаменитой. Нет здесь предела человеческим возможностям. Хотите продать штаны в полоску, — продавайте ваши штаны. Хотите купить ворованного щенка, — ваша воля. Берите. Может, вас интересует мазь от потения подмышек или плавательница стила Людовика двенадцатого? Охлаждайте ваши подмышки и плывите в стила Людовика. А почему бы вам не купить эти прекрасные часы со звоном, только что выпутые из вашего кармана на подступах к Сухаревке?

А вот этот чудный кусок говяжьей вырезки с беззащитными малютками-червями, ползающими по нему, как шаловливые дети по зеленой лужайке, — разве ничего он не говорит вашему здоровому аппетиту? А разве ничего не говорит вашему художественному взору вот этот небритый молодой человек, который изящным движением поправляет нож в голенище и нацеливается опытным глазом на сумочку вашей спутницы?

Какой колорит, сколько тем для кисти художника!

Вот вы подходите к Сухаревке, ищете жадным взглядом величественную, как консервная банка, Сухареву башню и пытливо спрашиваете у милиционера:

— Извиняюсь. А где это самое?

— Которое?

— Которое башня, базар и тому подобное.

— Выбыли, — официальным вежливым тенором отвечает милиционер и плавным дугообразным движением уже грозит беспутной подводе. Вы стоите на чистой, большой площади, по которой мчатся такси и грузовики, и сконфуженно поясняете вашей спутнице:

— Пардон за Сухаревку. Их, извините, нету. Выбыли в неизвестном направлении.

Но не отчаивайтесь. Смело ищите другой колоритный уголок старой Москвы. Он вам компенсирует отсутствие Сухаревки.

Вот вы в Охотном ряду. О, белорыбицы, высовывающие оскандленные пасти из окон магазина, с еще неистлевшей вывеской «Тузобоев и сын!» А на вывеске прозаическая наклейка: «Пухрыбатрест!» О, счастливые селяне, с большими рыжими бородами, держащие в одной рукавице зелено-серое масло, а в другой — сне-розовое мыло, — где вы? И уже не поливает дробный дождичек гостеприимно разостланных на грязи куриных яиц, мякловых дылат и радужно сероватых гусиных потрохов. И никто не скачет здесь веселой стопой по разложенным на земле потрохам и топленому маслу в погоню за зоришкой, украсив банку с огурцами.

Еще одна иллюзия разбита. Перед вами монументальные здания гостиницы Моссовета и Дома комитетов СТО на широчайшем проспекте. Одно — слева, где лежали на земле гусиные потроха, а другое — справа, где рыжебородые дети пригородных полей мешали масло с мылом.

— Мама, мама, — невольно шепчут ваши уста, — отдай мне Охотный ряд!

— Иди к чортовой бабушке, — невольно отвечает вам леводомая мама, — нет уже Охотного ряда. Заткнись.

И вот вы около Иверской. Вы икаете от волнения и вспоминаете слова поэта:

«Шапку кто, гордец, не снимет
У Кремля святых ворот».

Вы и хотите снять кепку. И снимаете ее, придерживая рукой, чтобы не украли.

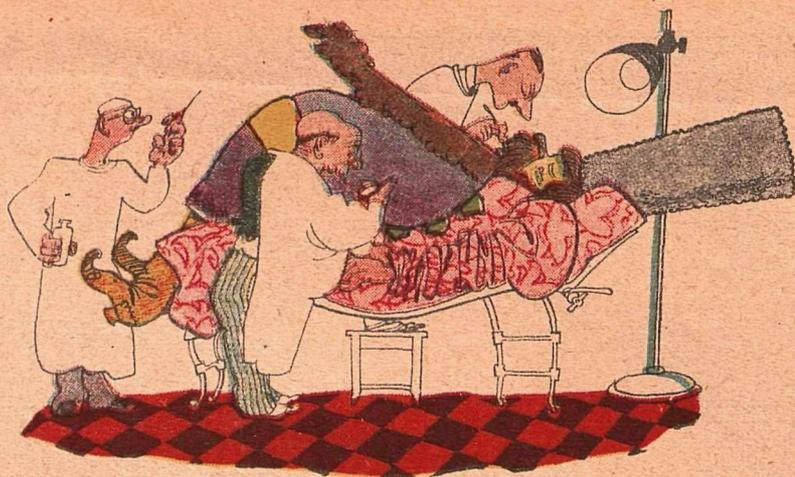
— Ты что же это, с грузовиками раскланиваешься? — едко спрашивает вас ваша спутница. — Кланяйся хоть такси. Все-таки полезное знакомство.

— Я снимаю шапку-кепку перед святыми воротами, которых нет, — грустно говорите вы, — здесь когда-то была Иверская.

(Продолжение на стр. 9)

ЛАЗАРЬ МОИСЕЕВИЧ КАГАНОВИЧ. Самый активный прораб московского строительства. Взялся за переделку Москвы и заказы выполняет в срок. Строит на земле и под землей. На страницы Крокодила заглянул, чтобы высмеять тех, кто не верит в превращение Москвы в образцовую социалистическую столицу.

Л Е Г Е Н Д А
О
МУЗЕЙНОЙ ЦЕННОСТИ

1
В пластах древнерусских под нозой
Москвой
в гнилом, ископаемом срубе
был найден холодный, совсем восковой
мужчина в боярской шубе.

Он весил без малого десять пудов,
упитанный, важного чину.
Ни черви, ни почва, ни плесень годов
не тронули чудо-мужчину.

Врачи с удивлением меряли рост,
щупали мышцы тугие.
Одни заявили: — Анабиоз.
Другие: — Летаргия.

2
Боярин лежал, бородатый по грудь,
в полном здоровьи и силе,
и чтобы его перевернуть,
грузчиков пригласили.

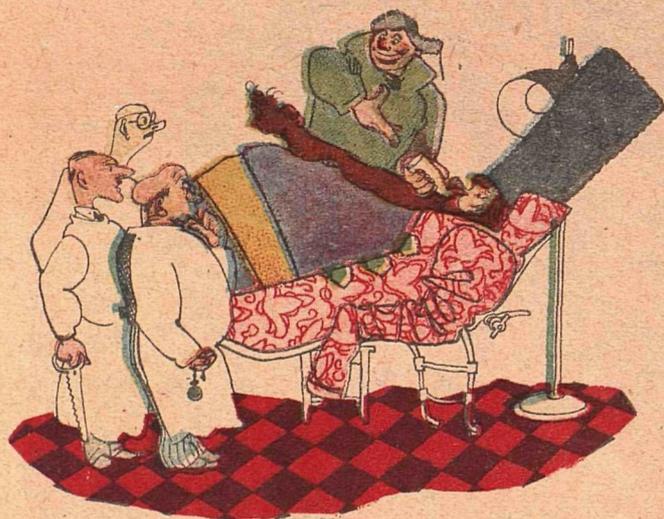
Натерли эфиром лоснящий зад,
зажгли инфра-красную лампу,
и доктор боярину впрыснул лизат —
15 сияющих ампул.

Лизат в инструменте клокочет,
а тот просыпаться не хочет.

3
Боярин молчит, боярин ни в зуб,
лежит, как положено сану.
Профессор вгоняет ему в железу
два литра гравидану.

Решили прием увеличить на литр,
уже гравиданом боярин налит,
но все ж — от чудовищной дозы
лежит, не меняя позы.

Гормонов ему втыкают в бедро,
Рентген зашибают в брюхо,
и физики атомное ядро
дробят над боярским ухом...

4
Тут грузчик к нему проявил интерес:
— Профессор, да вы разиня!
Со мной, при себе пол-литровочка есть
из коммерческого магазина.

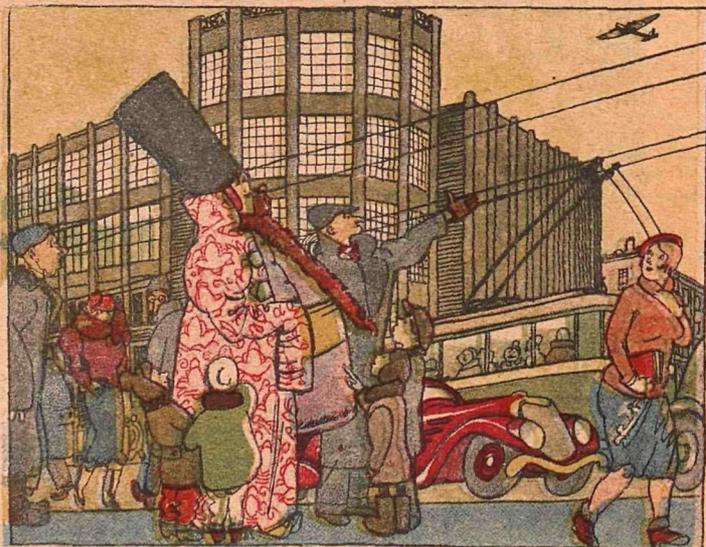
Нашли у боярина рот в бороде,
бутылка гулко забулькала,
мертвец наливался, ворочался, рдел
и вдруг растарачил буркалы.

— Холопы! — боярин вскочил и орёт. —
Замучу! Оряху спросонок!
Кто, смерд, разбудиша мя на заре?
Гоняхом сюда закусону!

5
От'елся боярин — вари да пеки.
От сытных хлебов беленится.
Крадет у соседних больных пайки,
вконец обнищала больница.

За ужином требует водки литр,
орет по-церковному в градусе,
и сдали его, как порядок велит,
в Кооп-худ-муз-лит,

а там обалдели от радости.
— Чистый боярин! — Кооп упоен,
ищет боярину место,
и грязен и груб, но все-таки он —
историческое наследство!

6
И дали жильцу подземных руин
гнда из Интуриста.
И тот объясняет: — Monsieur boiarinne,
вы спали годочков триста.

Москвы не узнаете — долгий срок.
Асфальт, фонари — повсеместно.
Вот телеграф, а вот и Мосторг.

А это вот Лобное место.
Потрясся боярин до самых глубин:
— Вот тут я любил и головки рубил...
Упал на колени и замер
и мох обливает слезами.

Боярин по родине начал грустить,
лишился обличия бодрого...
эксперты решили его поместить
в музей боярина Федорова.

Сидит он и жрет грязнушей рукой
свое древнерусское крошево.

Любители ахают: — Милый какой
обломок проклятого прошлого!

Славянский фольклор изучают на нем
и даже в газете объявлено:
«В музее сегодня и ночью и днем
показ живого боярина».

10

В Коопхудмузе решили так:
— Конечно, у классиков учатся,
Боярин вполне положительный факт
и чудно влияет на юношество.

Конечно, скажем без рапловских
фраз,

трудно ему перестроиться,
«Вечорку» читает, а все-таки раз
в церковь зашел на Троицу.

И водку пьет, и крест на груди,
и бабник, и матом лается,
а все же боярин нашелся один,
бояре так не валяются!

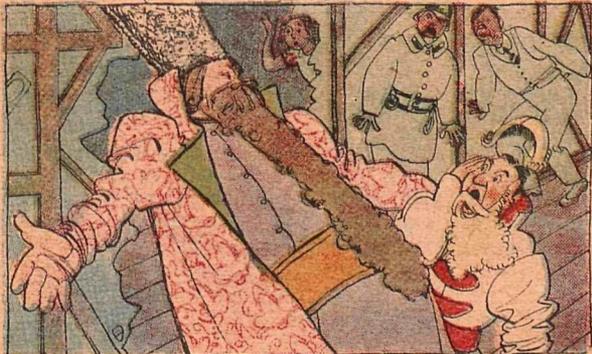
II

Он просто как памятник дорог для
нас.

Музей для боярина чопорен...
Не лучше ль боярский использовать бас
в провинциальной опере.

Вот тут развернулся боярин во-всю,
обрел отечество снова.
И сразу припомнил былую красу
пиров царя Годунова.

Он входит в роль и, покуда поют,
статистов бьет по мордасам,
Театр включил в программу свою
пунктик: Боярина — массам.

Не раз посетитель наследством избит,
Кооп восхищается очень:

— Какой полнокровный боярский быт,
просто, как Репин, сочен!

А если доносится мат из ворот,
Худмуз снисжается в шопот:

— Тише, боярин передает
свой творческий опыт.

Но вскоре литературный душок
закрался в душевную мглу его.
Он создал в музее литкружок
в жанре Клычкова и Клюева.

Боярин скандалит в пивной вечерком,
цыгане волнуют боярина,
орет пианисту, тряся шашлыком:
— Тапер, наяривай!

Какие-то девочки ходят к нему,
ревет патефон в боярском доме,
и, девочек глядя рассеянно,
читает боярин Есенина.

12

Все можно простить за редкий та-
лант,

а выдался бас на диво,
что в морду бьет, — прощает театр,
бьет, а зато правдиво.

Но случай один увлекательный был:
ребром топора тяжелого
боярин на сцене певцу отрубил
очень реальную голову.
Хоть это и подлинный был реализм,
Точно, как древние лыцари...
Но тут за боярина крепко взялись
товарищи из милиции.

13

Худмуз о наследстве хотел закричать
И вдруг кандибобером шибким
махнул отмежевываться в печать
и признавать ошибки.

Призвали профессора, дверь на засов,
и речи пошли другие:
— Вернуть боярина в восемь часов
в состояние летаргии.

Не знаю, помог ли тут гравидан,
Лет тысяча пронесется,
но будьте уверены, — никогда
боярин уже не проснется.

14

Я очень доволен. И ручку — в
ножны.

Я добрый ко всякой твари,
А вот
бояре
нам не нужны
даже
в одном экземпляре.

СЕМЕН КИРСАНОВ

ТАРТАРЕН У МОСКОВИТОВ'

2 августа. Я живу, повидимому, в центре города. Но это трудно определить в точности. Улицы и переулки извиваются и убегают во все стороны, словно прячась от меня. Здесь все противоречиво, изменчиво, не соответствует своему наименованию и не стоит на месте. Третьего дня я узнал, что вблизи моего отеля находится Китайская стена с Китайским проездом. Вчера нашел ее. Ни за стеной, ни перед ней — ни одного китайца. Высокие конторские дома и клерки за окнами. Сегодня я пришел, — большого куса стены нет. Громадную старинную стену разбирают по кирпичам и перевозят на грузовиках. Почему? Куда перевозят? Это таинственно.

Утром схожу по лестнице вниз, в ресторан, завтракать, и мне кажется, что я спятил. Вместо ресторана — фотографическое ателье. Пожилой господин в бархатной куртке, с бородой Тристана Бернара, ведет меня в кресло перед громадным аппаратом.

— А где же ресторан? — спрашиваю я его.

Он скорчил гримасу и показал за угол. Там я нашел свой ресторан: он перекочевал за ночь!

3 августа. В четвертый раз за мое пребывание в моей комнате меняют мебель. Я застал здесь английский стиль прошлого века, ситцевые обои, занавески, ковер мелкого рисунка, литографию скачек, фарфор на полочке, медные щипцы у камина.

В четверг, возвращаясь после прогулки, из номера выходят маляры с ведрами краски. Я вошел и решил сначала, что перепутал номер. Абсолютно гладкий полированный куб, камин ликвидирован, вся мебель откидывается или выдвигается из стены. Вместо кровати — металлическая колыбель, прицепленная на стальных тросах к потолку. Час я подпрыгивал, чтобы попасть в нее, оказывается, надо опустить до земли, лечь и потом подтянуть себя на блоке в воздух. Коридорный слегка помог мне, но и он пока мало знаком с этой новой конструкцией.

В воскресенье камин опять открылся. Теперь он разделан широкими белыми изразцами. Это — русская печь. И вся комната отделана в старинном стиле русских бояр. Она имеет теперь своды, расписанные золотыми петушками, цветные стекла в окнах; вместо паркета — длинные скрипучие половицы, а на полке — деревянная лакированная посуда. В ванной комнате на полотенце тоже вышиты кружева и золотые петухи. Я побоялся вытираться этой реликвией.

А сегодня в комнате уже новая перемена! Теперь это классический стиль. Мебель красного дерева, камин, украшенный колоннами, превращен в маленький портик, а в углу, на пьедестале — мраморная богиня.

4 августа. Меня очень заинтересовали эти перманентные декоративные перемены в гостинице. Я пошел справляться о них к хозяину. Это мсье Ланг, чудесный парень, веселый и бодрый, несмотря на тяжелые заботы, которыми он со мной поделился. Ему принадлежат пять отелей в Москве и еще целая куча в провинции. Хотя, впрочем, он не называет себя хозяином, а только директором, и уверяет, что не имеет ни одной акции в предприятии, которым он управляет (я сделал вид, что поверил).

— И вы тоже недовольны? — спросил он, вздохнув. — Ну что ж, я могу еще переделать комнаты под стиль кавказского горного пастуха или в духе льдины, на которой обитал экипаж «Челоскина»... Я совсем потерял голову с этими поисками стиля. Раньше хоть одни иностранцы жаловались, а теперь меня атакует и советская пресса. Никто не хочет принять во внимание, что «Интурист» — молод и он — один, а гостей много, и каждый едет со своей психологией и каждый хочет здесь встретить то, за чем он сюда поехал. Деловые люди, приезжающие искать заказы для своих затихающих заводов, хотят иметь советский «Риц», большевистский «Адлон». Новобрачные, — их прибывает в Москву все больше, — они жаждут получить в моих отелях тот тихий, счастливый дедушкин уют, которого они лишены там, за границей, где на улицах стреляют пулеметы и где принуждают козырять рубашкам разных цветов. Мятущиеся студенты из Оксфорда и Гарварда жаждут прямо с вокзала попасть в обстановку тридцатого века и вдыхать стиль супер-модерн. Старые дамы из Кентукки жаждут купаться в старинной роскоши русских царей. Вдобавок мсье Эренбург требует, чтобы я окружал своих гостей пастухами, читающими Марселя Пруста, и старыми молочницами, которые на заре в пригородных поездах спорят о теории относительности. Но не все туристы, мой дорогой, хотят изучать молочниц в пригородных поездах! Клянусь вам, это блюдо для немногих. Есть такие путешественники, которые требуют от гида, чтобы их прямо с вокзала повезли осматривать ужасы Чека и бюро по национализации женщин, а обедать хотят только в той столовой, где едят человеческое мясо. Если после этого приезжает человек просто пострелять медведей, — мы благодарим судьбу за такого легкого посетителя.

Мсье Ланг и сам не подозревал, как удачно он попал. Я поспешил поделиться с ним своими охотничьими планами, и добрый хозяин (директор?) обещал оказать мне всяческое содействие.

¹ Глава из нового сатирического романа «Тартарен у большевиков», выходящего на французском языке.

5 августа. Полисмены, вернее, милисмены, стоят здесь на перекрестках в белых шлемах и белых куртках. Публика разгуливает по улицам в большом количестве в белых костюмах. У дам очень открыты шея, ноги, руки. Можно подумать, что находишься в тропиках. Но солнце светит здесь слегка и довольно редко. Все больше дожди. У нас все давно замерзли бы. А москвиты чувствуют себя как будто на экваторе. Можно подумать, что эти северяне, столь страдающие от жары, привыкли к холоду. Но нет! Мне объяснили, что при первых знаках зимы здесь надевают громадные шубы мехом внутрь и наружу, — даже при двух-трех градусах мороза, когда француз выходит в пальто с легким шарфом.

Каждый из москвитов собирается жить по сто сорок лет и всерьез готовится к этому. В универсальном магазине напротив меня супружеская чета купила кровать и потребовала и получила к ней добавочный комплект запасных металлических ножек. Сколько они собираются проспать на этой кровати?! Сколько детей родить?!

У каждого дома, через каждые десять шагов на тротуаре стоят огромные урны для окурков, мне почти по пояс. Они рассчитаны на курящих слонов. По их размеру сигара должна быть величиной с прогулочную трость. Но сигар здесь почти не видно. Люди курят папирасы с длинными картонными мундштуками.

6 августа. Женщины милы. Они одеты тоже тропически. При встречах смеются и восклицают: «Amerikanetz!» Мне все-таки надо поскорее выучиться языку. Нужен учитель. Учительница, — с ней пойдет быстрее.

7 августа. Эта странная столица делает вид, что совсем не интересуется мною. Ясно, это ловкий прием. Но меня этим не проведешь. В Париже, в Женеве, в Берлине, в Варшаве люди высших кругов, только узнав, что я направляюсь в Страну советов, уже окружали меня интересом и вниманием. Могу ли я поверить, что здесь безразличны к моему приезду?!

Кольцов, после первой, столь дружественной встречи, оставил меня на произвол судьбы. Он говорит, что это нужно для остроты и непосредственности моих первых впечатлений.

Я решил сам вступить в контакт со здешними политическими кругами.

8 августа. Мсье Буланский, здешний директор по иностранной печати. Очаровательный мужчина, какого я охотно увидел бы на высоком посту, у нас на Кэ д'Орсэ. Он еще очень молод и еще более занят. У него миллион дел, и он их помнит гораздо лучше, чем его секретарши. Память этого человека феноменальна!

Еще только увидел меня в лицо, он с живостью сказал мне:

— А, мистр Макс-Корклэм, я рад вас видеть. Входите, входите. Ваши последние телеграммы о Восточно-Китайской железной дороге поистине великолепны. Они несомненно сыграют свою значительную роль в укреплении американо-советских отношений, если уже не сыграли. Я с радостью констатирую этот поворот к здравому смыслу и к реальной оценке положения на Дальнем Востоке, который замечается и у вас и у других американских коллег.

Я сделал легкое движение. Мсье Буланский взгляделся в меня поближе, и лицо его просветлело.

— Синьор Цезарелли, это было преступлением с моей стороны не узнать вас! Как вы живете, как ваша очаровательная супруга? Неужели она в такую жару в городе? О, бедная жертва своего изверга-мужа! Но я должен поговорить с вами не только как друг. Ваши последние телеграммы внушают мне самое серьезное беспокойство, если уже не внушили. Опомнитесь, синьор Цезарелли. Вы вводите в заблуждение свою страну и самого себя. Кому наруку вы играете, утверждая, что переговоры на Восточно-Китайской дороге близки к срыву? Ведь вы серьезный человек, синьор Цезарелли! Ведь вы ответственный человек! Я надеюсь, вы это поймете, если уже не поняли сами!

— Господин директор, — попробовал прервать я, — вы, кажется, приняли меня за другого...

— Боже мой, да ведь это Жильберан! — воскликнул советский директор с искренней радостью. — Где вы это отрастили себе такую бороду? У вас вид колхозника из Туркменистана. Чудесно, что вы зашли. Я уже давно ищу вас.

— О нет, господин директор, — воскликнул я. — Я — Тартарен из Тараскона.

Милейший мсье Буланский выбежал из-за стола и готов был обнять меня, если бы не его высокое официальное положение.

— Поверьте, — сказал он с теплотой, которая глубоко тронула меня, — поверьте, что общение с вами будет для меня источником особо глубокой радости.

Он был так любезен, что в тот же день пригласил меня обедать в Большую Московскую. Когда мы поднимались по лестнице, я вздрогнул, как будто тронутый электрическим током. На площадке стоял на задних лапах огромный бурый медведь. Первый медведь, которого я увидел в этой чудесной стране!

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

С ПОДЛИННЫМ ВЕРНО...

Здесь, читатель, ты превращаешься в холодного любителя архивов и беспристрастного обозревателя фактов. С заслуженным вниманием отнесись к памятникам недавнего прошлого.

МЕТРОПОЛИТЕ-Е-ЕНУ-У АНА-А-ФЕ-ЕМА!!!

„Возможно ли допустить эту греховную мечту? Не унижит ли себя человек, созданный по образу и подобию божию разумным созданием, спустившись в преисподнюю? А что там есть, ведает один бог, и грешному человеку ведавать не надлежит“.

(Из письма архиеерея Сергия митрополиту. 1903 г.)

И ЭЛЕ-КТРИ-ЧЕСТВУ ТО-ЖЕ!

„Воздержимся же, братья, от возжения сего непроверенного искусственного света“.

(Из распоряжения епископа Платона духовенству. 1872 г.)

„В 1904 г. в Москве число неграмотных составляло 362.842 человека, или почти треть коренного городского населения“.

(Официальн. статистика. 1906 г.)

УРА ! ОПАСНОСТЬ МИНОВАЛА

Из постановления Московской городской думы о метрополитене:

«Признать проект о проведении метрополитена неудовлетворяющим современным нуждам города, нецелесообразным по своей трассировке и несоответствующим поставленным задачам, нарушающим городское благоустройство и благообразие и санитарное положение города.

Прибавим к этому, что в слу-

чае осуществления проекта город лишился бы на многие годы доходного трамвайного передвижения. Повидимому, теперь опасность этого для Москвы уже миновала, и этим последним всецело обязаны энергии представителей городского управления, затративших много сил и времени на защиту интересов города в этом деле».

(„Известия Городской думы“, март 1903 г.)

НИКЧЕМНАЯ РЕЧУШКА

Городская управа о Москве-реке при передаче ее для эксплуатации частной французской компании постановила:

«Город освободился от убыточной водной площади, передав ее иностранным концессионерам».

«Эта река интересна только как памятник старины: з ее воды смотрелись пари и великие князя матушки-Руси»...

(„Московские ведомости“, 1892 г.)

ШИРОКИЕ МОСКОВСКИЕ НАТУРЫ

„На сооружение церкви в память священного коронования их величеств ассигновать 15.000 рублей, на выдачу пособий учащимся женщинам — 24 рубля 44 коп. и на нужды беднейшим ученикам городских училищ — 37 руб. 05 коп.“.

(Из постановлений Городской думы в августе 1901 г.)

ПОМОЩЬ СВЫШЕ

„Ею императорское величество государь император мнение Гос. совета о сборе налога с собак высочайше утвердить соизволил“.

(Приложение к докладу Гор. думы о сборе налога с собак. 1898 г.)

«По случаю предоставления городу Москве Воробьевых гор, благодарить генерал-губернатора за милостивое содействие в передаче городу названных гор».

(Постановление Гор. думы 13 ноября 1901 г.)

„УЧЕНЬЕ—ВОТ ЧУМА, УЧЕНОСТЬ—ВОТ ПРИЧИНА“

Инспектор Басмановского четырехклассного училища о приеме учеников:

«Одни родители плачут и валяются в ногах, прося о приеме сына, другие грозят жало-

ваться в Думу, третьи сулят взятку, четвертые лезут с кулаками. В результате сотни родителей и детей со слезами идут за дверь».

(„Известия Городской думы“, февраль 1905 г.)

„ТЕБЕ, МОСКВА, МОИ ВСЕ СИЛЫ!“...

«Никаких общих вопросов, связанных с благоустройством города, в Городской думе 1902—1903 гг. не возбуждалось».

головой единогласно постановлено не приходивших в 1902 г. на собрания господ гласных ответственности не подвергать».

(„Известия Городской думы“, 1903 г.)

«По предложению городского

УМРЕМ ЗА ПЫЛЬ!

«Меры борьбы с уличной пылью в Москве с санитарной точки зрения не только безрезультатны, но даже прямо вредны. Поливка водой из колодез — рассадник заразы, так

как, например, тифозная бактерия может жить в воде и долго сохранять жизнеспособность в сухой пыли».

(„Русские ведомости“, статья д-ра Никольского, 14 мая 1902 г.)

ДЛЯ ГГ. ПЕШЕХОДОВ, НЕ ЕЗДЯЩИХ НА РЫСАКАХ

Гласный Городской думы ГЕРЬЕ заявил в 1903 г. на заседании следующее: «Если бы домовладелец поставил на тротуаре стул, сел на него, протянул ноги и заставил проходящих спотыкаться, то это —

детская забава с той головоломкой, что представляют собою московские тротуары, их выступы, крыльца, и ямы, и рытвины, и многое другое».

(„Известия Городской думы“, 1904 г.)

ИЗ ОБЛАСТИ ПРЕИМУЩЕСТВ

Из постановлений Городской думы в 1900 г.: «Отпустить 1500 рублей на содержание общественного клозета у храма спасителя у Красных ворот».

«Ходатайство Правления верхних торговых рядов о назначении ежегодной субсидии на содержание существующих в этих рядах общественных уборных отклонить».

РЕВНИТЕЛИ МОСКОВСКОЙ ИСТОРИИ

Московский городской голова князь В. М. Голицын на собрании 9 марта 1904 г. доложил:

«Историк И. Е. Забелин просил довести до сведения Городской думы об его желании на личные его средства издать книгу его сочинений «История г. Москвы». Единогласно постановлено по предложению гор. головы: «Уведомить г. Забелина, что Московская городская дума не встречает препятствий к изданию им на свои средства книги «История города Москвы», но с тем, что на всех книгах было бы напечатано, что издание предпринято по постановлению Московской городской думы от 1 декабря 1880 г.».

Рис. Л. Генча

Л. Генча

„НА ОКРАИНЕ ГДЕ-ТО ГОРОДА Я В РАБОЧЕЙ СЕМЬЕ РОДИЛАСЬ...“

Не спорьте с ней. Ведите ее прямо на Арбатскую площадь, в маленький скверик, прихотливо окружающий историческую общественную уборную. В нее когда-то еще заходили: баснописец Крылов, убийца Пушкина — Дантес, а может быть, поэт Владимир Луговской или Борис Годунов. Почетных досок выставлено не было, но уборную сносить не давали.

— Мы отдохнем в скверике, — с чеховской грустью говорите вы, — мы отдохнем.

Короче говоря, нет скверика. И стоите вы на одной из самых больших площадей в Москве и спрашиваете:

— Арбатская или не Арбатская?

Так когда-то Колумб спрашивал у туземцев:

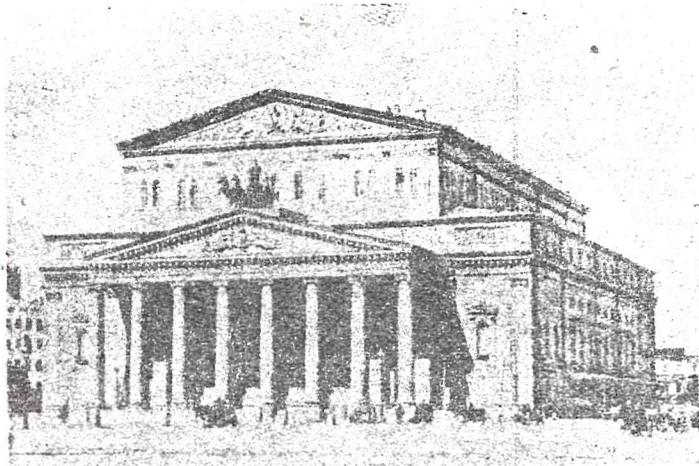
— А что это действительно Америка или мне какой-нибудь другой материк подсунули?..

Можете после этого смело отправляться домой. Колоритные уголки старой Москвы вы уже посмотрели. Завтра дальше — за свежими впечатлениями.

Арк. Б.

ДЕВЯТЬ СПОСОБОВ БЕЗБИЛЕТНОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ В ЗРИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ

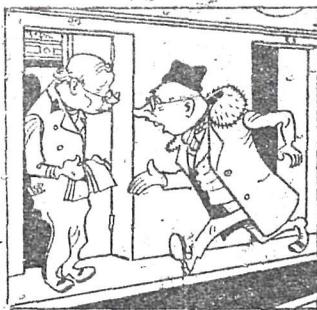
Иллюстрации Ю. Ганфа.

Вы приехали в Москву. Вы ощущаете вполне законное желание культурно провести вечер и приобщиться к великому искусству прославленных во всем мире московских театров. Но билета у вас нет.

Как тут быть? Решению именно этой задачи посвящен этот раздел нашего путеводителя. Даем девять способов безбилетного проникновения в театры, девять способов, меняющихся в зависимости от характера и обстановки каждого данного театра.

СПОСОБ № 1 — ДЛЯ БОЛЬШОГО ТЕАТРА СССР

Как читатель убедится, ознакомившись со всеми нашими советами, мы строим наши контрамарочные стратегии на всестороннем учете местных условий в каждом данном случае. Поэтому при посещении Большого театра надлежит пользоваться именно грандиозными масштабами этого учреждения. Поднявшись, допустим, на 2-й ярус, вы точно фиксируете в памяти номер или литеру ложи, дверь которой выходит на

данную площадку. Затем, не задерживаясь, вы спускаетесь вниз и ожидаете в вестибюле примерно до начала увертюры.

Тут вы бегом взлетаете по лестнице до изученной уже вами площадки 2-го яруса и, задыхаясь (задыхаться совершенно необходимо), спрашиваете у капельдинера:

— Второй ярус, ложа 27 здесь?

— Здесь.

— Уф, слава богу! — говорите вы с радостной интонацией — Поверите ли, два раза весь театр обежал... Даже на самой галерке был... Программа есть? Бинокль?

— Извольте.

Раздевшись и заплатив за оба спрошенных предмета, вы добродушно говорите:

— Ну-ка, показывайте мне эту проклятую ложу № 27!

Капельдинер никогда не усомнится в том, что вы являетесь обладателем билета в названную ложу, ибо ваша торопливость и неровное дыхание чересчур похожи на жадность человека, который заплатил за билет и боится пропустить хотя бы два такта оплаченной увертюры. Действуют также и часы за программу и бинокль.

Если же паче чаяния, открывая дверь в ложу, капельдинер спросит:

— Билетик разрешите посмотреть...

Вы отвечайте возможно более громко:

— Билет у товарища в ложе... Сергей, что за свинство, покажи мой билет!

(Разумеется, никакого Сергея в ложе нет и быть не может).

— Ш-ш-ш! Тише, пожалуйста! Мешаете слушать! — заворчат из ложи.

Вам остается проскользнуть в вождельный полумрак зрительного зала...

СПОСОБ № 2 — ДЛЯ МАЛОГО ТЕАТРА, ТЕАТРА ИМ. МОСПС, ТЕАТРА РЕВОЛЮЦИИ, ТЕАТРА САТИРЫ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ

Самое трудное в данном способе это проскользнуть в комнату, где сидит администратор, выдающий пропуска на спектакль. (Если пропуска выдаются через окошечко, этот способ не годится). Итак, пробравшись в комнату администратора, вы становитесь за его спиной или рядом с ним и, не заикнувшись даже о контрамарке для себя, принимаете сторону администратора против всех тех, кто подобно вам жаждет бес-

платного зрелища. Как только вы услышите, что администратор отказал кому-нибудь в пропуске, берите на себя тяжесть дальнейшей беседы с таким субъектом. Примерно так:

— Сегодня ничего не могу сделать, — сказал кому-то администратор.

— Может быть, все-таки одно местечко, а? — канючит этот «кто-то».

Тут вступаєте вы:

— Товарищ, вам русским языком сказали, что на сегодня мест нет!

— Я понимаю, что нет, — скулит «кто-то». — Но одно местечко...

— Странно вы рассуждаете! — саркастически откликаетесь вы. — Что же нам жалко, что ли?

— Я понимаю, что не жалко... Мне ведь только одно место...

— Товарищ, поймите, что сегодня ничего не выйдет! И нечего зря разговаривать! Только задерживаете других товарищей.

Обработав таким образом человек 5-6, вы можете уже брать на себя посетителей, еще не беседовавших с администратором:

— Вам что? — говорите вы одному из толпящихся у стола.

— Вот хотел бы сегодня попасть на спектакль...

— Сегодня мест нету.

— Может быть, как-нибудь?..

— Что же мы вас на шею себе посадим?!

— Я, знаете ли, командировочный из провинции, завтра уезжаю...

— Странные люди какие-то! Точно мы виноваты, что они уезжают! — говорите вы и тянетесь за запиской, которую вам суеет следующий посетитель. — От кого записка?

— Товарищ Потолокшин очень просит...

Вы проглядываете записку и суеете ее администратору:

— Тут от Потолокшина записка...

— Сейчас выпишу, — говорит администратор. — Скажи, чтоб подождали.

Теперь ваше дело в шляпе. Администратор вас признал, и через десять минут, когда толпа схлынула, вы говорите ему чисто товарищеским тоном:

— Ну и народец, ей-богу!.. Прямо взорел, с ними разговаривая. Не завидую я тебе... Ну-ка, выпиши для меня два местечка.

Администратор машет рукой, подтверждая всю трудность своей работы, и безмолвно выписывает пропуск...

СПОСОБ № 3 — СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ МХАТ СССР ИМ. ГОРЬКОГО

Для этого способа необходимо усвоить себе всемерную деликатность в костюме, походке, манерах, выражении лица и в голосе. Затем надобно твердо запомнить:

1) одно из трех имен-отчеств:

Иван Михайлович (народный артист республики Москвин), или Василий Иванович (народный артист республики Качалов), или Леонид Миронович (народный артист республи-

ки Леонидов) и 2) имя-отчество инспектора художественного театра — Федор Николаевич.

Вооружившись деликатностью и двумя именами-отчествами (инспектора театра и одного из народных), вы за час до начала спектакля проходите в контору МХАТ (в ворота, первая дверь налево). Войдя, пристойным полушопотом спрашиваете дежурного капельдинера:

— Федор Николаевич здесь?

Это первое имя-отчество служит вам ключом к конторе театра; не произнеси вы его, вас попросили бы удалиться.

А теперь, независимо от ответа («здесь» или «вышли по театру»), вы неторопливо раздеваетесь, вешаете пальто на вешалку и входите в кабинет инспектора. Дождитесь, пока инспектор освободится, и полушопотом же (в этом театре кричат только на сцене) говорите:

— Вам Иван Михайлович (Василий Иванович, Леонид Миронович) говорил насчет меня? Иван Михайлович (Василий Иванович, Леонид Миронович) сказал, что вы меня записали на сегодня: два места.

Это второе имя-отчество, а также деликатный шопоток посвященного в таинства МХАТ заставляют инспектора оглядеть свои записи.

— Позвольте, — может он сказать, — Иван Михайлович, (Леонид Миронович, Василий Иванович) просил меня записать места на завтра... Вот у меня на завтра значится: два места от Москвина (Качалова, Леонидова).

— Разве? Хе-хе-хе... — деликатно хихикаете вы. — Это, — хе-хе-хе, — недоразумение. Я именно сегодня... А на завтра можете вычеркнуть.

— Да, но сегодня я не смогу вам дать хороших мест...

— Ничего, я могу и поуже. А на завтра вычеркните. Это что? Откидные стулья? Большое спасибо!.. Привет Ивану Михайловичу (Василию Ивановичу, Леониду Мироновичу)...

Выходите на цыпочках из кабинета, не торопясь, одевайтесь и, кивнув дежурному капельдинеру, ступайте на улицу, куда выходят двери партера...

СПОСОБ № 4 — СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ТЕАТРА ИМ. МЕЙЕРХОЛЬДА

Этот способ построен на том, что в театре им. Мейерхольда нет ни одной пьесы без канонады, пулеметной и оружейной стрельбы или просто взрывов.

Вы покупаете обыкновенную детскую шутиху. Приготовив кроме шутихи сверток, перевязанный бечевкой, вы идете в театр им. Мейерхольда с этим свертком и шутихой в руках. Равнодушно подходите к контролеру и говорите:

— Куда тут сдавать порох?

— Какой порох? — недоверчиво спрашивает контролер.

— А сейчас от вас звонили к нам в базу и просили срочно доставить порох, а то, говорят, в театре весь порох вышел, нельзя спектакля играть. У вас что в пьесе стрельба, что ли?

Контролер гордо подтверждает:

— У нас во всех пьесах стрельба. Только это надо за кулисы нести.

Тогда вы незаметно бросаете шутиху, она взрывается, и вы нетерпеливо кричите:

— Куда это я еще буду ходить?! У меня из-за вас все в руках взорвется. И так на главной торпеде заряд кончается... Пустите!

И отодвинув рукой обалдевшего контролера, вы проходите в здание театра, сверток сдадите швейцару вместе с пальто.

СПОСОБ № 5 — ДЛЯ ТЕАТРА ИМ. ВАХТАНГОВА

В театре им. Вахтангова надо проникнуть через артистический подезд (с улицы Вахтангова). Войдя, спросить кого-нибудь из руководства театра. Когда вас проведут в дирекцию, вы солидно говорите принявшему вас товарищу:

— Видите ли, я член правления Главрайбредкомвода.

— Чем могу служить?

— Видите ли, в настоящее время мы распределяем между организациями остатки речного флота. И мы могли бы уделить вашему театру пару-другую судов...

(Надо заметить, что театр им. Вахтангова обладает наиболее налаженным из всех театров Москвы хозяйством. У вахтанговцев есть свой дом, образцовый магазин, усадьба, леса, поемные луга, рыбная ловля и охотничьи заповедники. Нет никакого сомнения, что предложение приобрести свой флот заинтересует этот театр).

— Мы могли бы предложить вам, — говорите вы, — либо моторную яхту либо две-три шхуны, а если хотите, небольшие такие канонерки индивидуального пользования. Хотя, может быть, вы предпочитаете китобойные суда?

— М-м-м... — бормочет вахтанговец, — я должен переговорить с товарищами прежде, чем дать вам ответ.

— Ну что ж, время терпит. Кстати, что у вас сегодня идет?

— «Человеческая комедия». Не хотите ли посмотреть?

— Да, можно, пожалуй... Я посмотрю спектакль, а вы, того, уточните требования на флот...

И вот через пять минут вы сидите в директорской ложе.

СПОСОБ № 6 — ДЛЯ КАМЕРНОГО ТЕАТРА

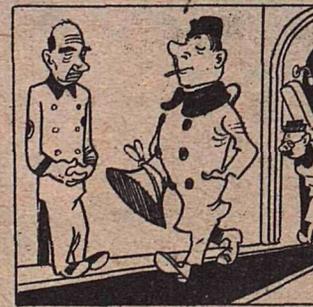
Способ этот крайне прост. Основывается он на том, что Камерный театр принадлежит к числу наших экспортных зрелищ и крайне дорожит своими связями с иностранными театрами.

В виду этого вы одеваете шляпу набекрень, свитер возможно более ярких тонов и, сильно превратившись в иностранца, в таком облике отправляетесь в Камерный театр. Там вы прете в любые двери и всем, преграждающим вам вход, говорите на ломаном языке:

— Муа их есте бин сьби режиссуар этранже иностранци из Патагони. Месье Таирбффе мне писать приезжать поглядать...

После этих слов вас бережно вводят в театр, а там уже ваше дело — отвязаться от сопровождающего вас работника театра и высмотреть себе свободное место в зале.

СПОСОБ № 7 — ДЛЯ БОЛЬШОГО ЗАЛА КОНСЕРВАТОРИИ

Возьмите обыкновенную глубокую тарелку и переверните ее вверх дном. Ко дну тарелки приставьте несколько сложенных вдвое газет, скатанных вместе в цилиндрическом виде, как обычно скатывают географические карты, диаграммы, кальку и прочие бумаги. Теперь, не отнимая бумаги от тарелки, плотно обтяните это черной или серой косовороткой. Что мы получили? По внешнему виду обтянутая черно-серой тканью тарелка напоминает раструб медного музыкального инструмента.

Возьмите это сооружение подмышку и, крепко придерживая его, идите с небрежным видом в Большой зал консерватории за полчаса до начала концерта филармонии. Войдя во двор консерватории, сворачивайте направо в узкое ущелье, образованное зданием Большого зала и правым боковым флигелем. В глубине этого ущелья есть подезд. Спокойно входите и поды-

(Продолжение на стр. 23)

Москва

Облаков колорит
О зиме говорит.
Пахнет влагой и хвоей,
Как у нас под Москвою.
Мох лежит под сосной,
Как у нас под Москвой.
Все, как дома,
И очень знакомо.
Только воздух не тот,
Атмосфера не та,
И от этого люди другие.
Только люди не те, что у нас,
И на вас
Непохожи, мои дорогие.
Дорогие друзья, я писала не раз,
Что разлука — большая обуза,
Что разлука — змея.
И, действительно, я
Не должна уезжать из Союза.
За границей легко только в первые дни.
В магазинах прилавков наряден:
(До чего хороши
Эти карандаши,
Эти перья и эти тетради).
А какие здесь есть города! Например,
Старый Берген, который недаром
(Это скажет вам каждый порядочный
гид)
Знаменит

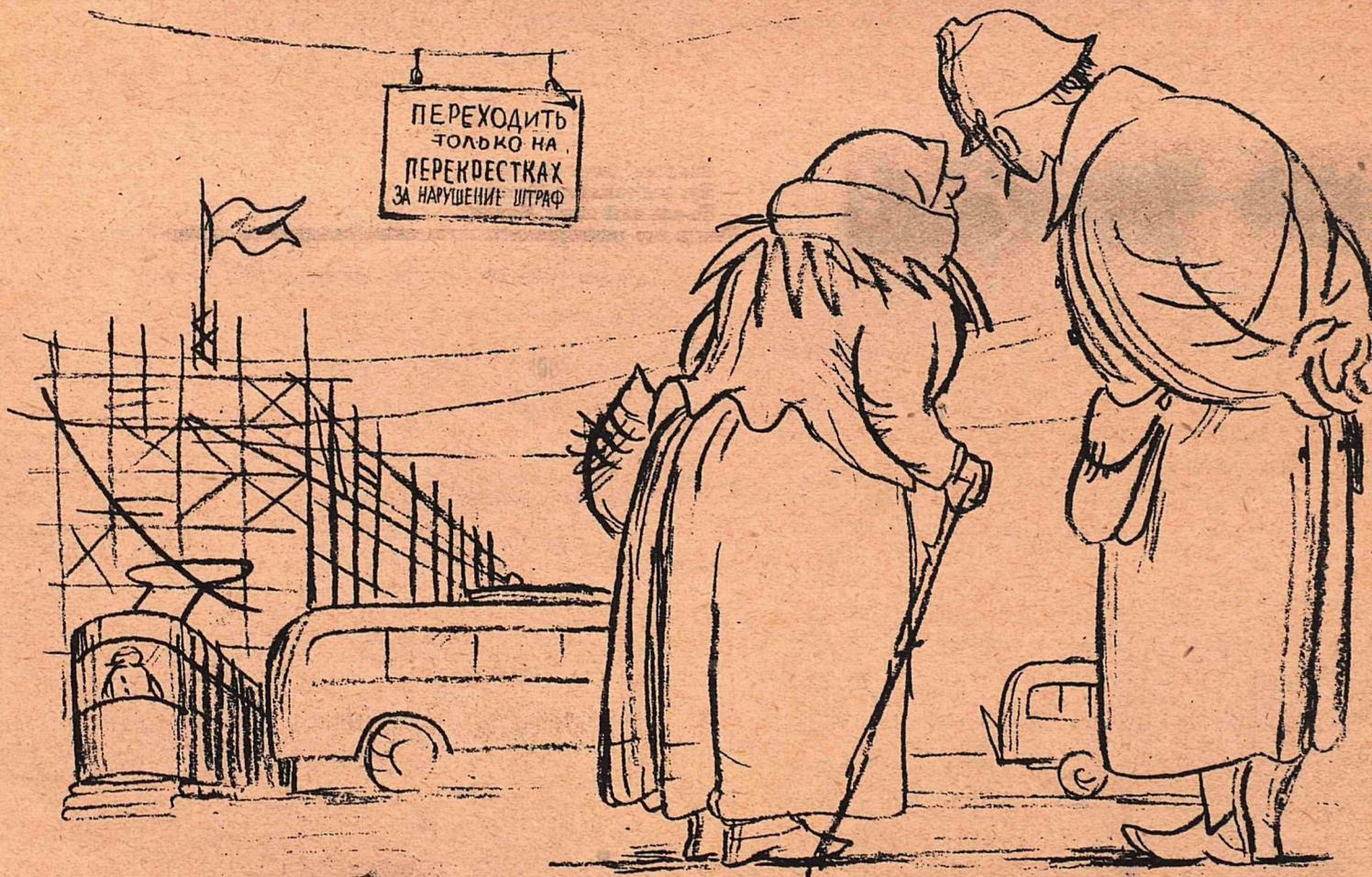
Своим рыбным базаром.
Голубая макрель, золотая треска
На холодном рассвете багровом.
Я взглянула на рыбу — и в сердце
тоска
Вдруг впилась мне крючком рыболов-
ным.
Я припомнила ясно: в корзине, в
ведре ль,
Распластав плавников острия,
Та же белая в синих полосках макрель,
Только звали ее «скумбрия».
И какая чудесная юность была
В те часы на песке под горой!
И какая огромная жизнь пролегла
Между этой и той скумбрией.
И печаль об исчезнувшей прелести дней
Полоснула меня, как ножом.
И подумала я: «Ничего нет грустней
Одиночества за рубежом».
Только вижу: у рыбного ряда стоит,
Упершись рукавицей в бедро,
В сапогах и брезенте, назад козырек,
Ну, точь-в-точь паренек
Из метро.
Я невольно воскликнула: «Ах ты,
Из какой ж это вылез он шахты!»
Он ко мне по-норвежски (а я ни-гугу).
По-немецки, — он, вижу, не слишком

Неужели же, думаю, я не могу
Побеседовать с этим парнишкой.
И доставши блокнот, так, чтоб он уви-
дал,
На прилавке под рыбным навесом,
Я рисую родимого моря овал
И пишу по-латински *Moskva*.
И тогда паренек на чужом берегу
Улыбается мне, как рыбак рыбаку.
Паренек улыбается мне от души.
Он берет у меня карандаш
(До чего хороши
Эти карандаши,
Если держит их кто-нибудь наш).
Он выводит знакомое слово *Moskva*,
И от этого слова — лучи.
(До чего хорошо, что иные слова
Даже в дальних краях горячи).
Он приветствует в эту минуту Союз,
Он глядит хорошо и всерьез.
И, содрав рукавицу и сбросив картуз,
Он трясет мою руку до слез.
Хорошо, что на грусть мы теряем права,
И что, как бы он ни был далек,
Человек с удивительным словом «Мо-
сква»
Не бывает нигде одинок.

ВЕРА ИНБЕР

НА НОВОМ АРБАТЕ

Рис. Л. Сойфертиса

— Скажи, милый человек, где здесь можно улицу даром перейти?

Рис. А. Радакова

Опухшая, орущая

Похабные слова...

Обрюзгшая, блюющая

Кабачная Москва.

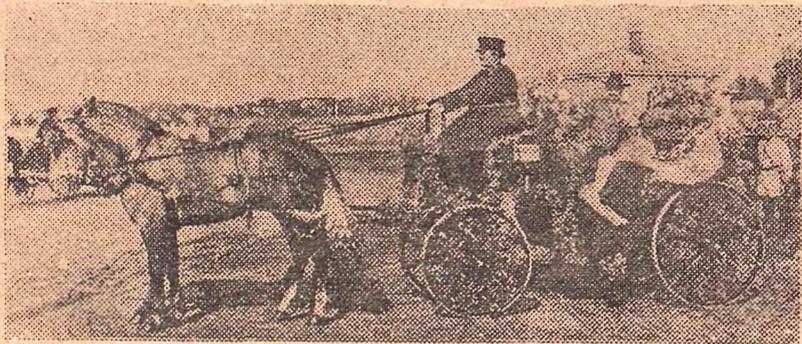
До приторности жирные

Зарыты навсегда

Московские трактирные

Угарные года.

К ИСТОРИИ ОЗЕЛЕНЕНИЯ МОСКВЫ

Экипаж купца Л. Карзинкина во время послеобеденной прогулки гг. Карзинкиных. На передних колесах — левкой. На задних — настурции. Хвост собственной лошади г. Карзинкина украшен бутонами.

(Фотография заимствована из московского журнала „Искры“ 1894 г.)

К ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ НАУКИ

«Св. Татиана, покровительница Московского Императорского Университета».

(„Русское слово“, 1910 г.)

Примечание Крокодила:

В настоящее время эта должность упразднена. Количество студентов МГУ увеличилось втрое.

ПОДЪЕЗЖАЯ К МОСКВЕ

Из Москвы и в Москву в сутки уходит и приходит семьсот двадцать поездов. Тут, конечно, всякие есть поезда: и серьезные, то-есть дальние, и легонькие — пригородные. Одних серьезных наверное не меньше ста — по всем радиусам, и вот их мы желаем обследовать. Пассажир дальнего следования обычно не может дождаться Москвы, кто бы он ни был: пассажир мягкого, даже международного вагона или скромный обитатель жесткого.

За несколько часов до Москвы прекращается преферанс (международный вагон), картишки (мягкий и международный), шахматы (междунар., мягк. и жесткий), опускаются верхние полки и убираются постели, привязываются чайники к ручному багажу (жесткий), прекращаются душевные излияния, случаи из жизни (междунар., мягк. и жестк.) и... начинается ожидание. Нетерпеливое ожидание.

В каждом вагоне поездов, на всех парах идущих к Москве, обязательно находится пассажир, который хочет выйти первым. Он берет чемодан и тихо выходит в коридор. Сейчас Москва. Вот она! Вот она! Поезд, если это ночь, влетел в море огней. Если это день, — в скопище домов, в дым и в людей. Ну, когда же остановится поезд? Где же московский перрон? Он не может удержаться и спрашивает:

— В чем дело? Приехали же! Почему поезд не останавливается?

— Куда приехали?

Кто бы ни был нетерпеливый пассажир — старик или юноша, — он отвечает неуверенно, как ребенок:

— В Москву...

И получает классический ответ:

— Здравствуйте! Какая ж тут Москва? Еще километров шестьдесят до Москвы...

Нетерпеливый не сдаётся:

— Как так? Да ведь смотрите, сколько огней! Да это же Москва!

Но неумолимый голос говорит:

— Какая ж тут Москва! Это просто новый завод — и все. Но нетерпеливый уже не может вылезть из детского положения и, хорошо зная, что это глупо, все же спрашивает:

— А город? А огни?

— Да что огни! Новый поселок вокруг нового завода... И все. Обидно. И возразить нельзя. Действительно, через несколько минут поезд опять несется по чистому полю.

Некоторые наиболее «отдаленные» пассажиры свое нетерпение выражают иначе:

— Ну-с, приехали. Наконец-то! Вот она, белокаменная! А вот видите там... вдали храм Христа Спасителя?.. Он отовсюду виден!..

И опять чей-то неумолимый голос:

— Какой же это храм Христа Спасителя! Это элеватор. И никакой Москвы тут нет. Это новый завод... До Москвы еще шестьдесят километров. А между прочим, храм Христа Спасителя давно снесен. Что же вы газет не читаете?

Нетерпеливые пассажиры успокаиваются и тихо вдвигаются с чемоданами обратно в купе.

Разговор не клеится. С большим чувством, с подлинным оживлением говорят только то, что всем известно:

— Да, Москва...

— Наконец скоро Москва...

— Ну, подъезжаем к Москве...

— Ва-аль-шой город Москва!..

Иногда это разнообразится лирическим безнадежным сообщением:

— Самое трудное в Москве комнату получить... Очень трудно.

Проводник подметает вагоны уже второй раз. Все уже сложено. Уже и опытные пассажиры стащили чемоданы с верхних полок, некоторые уже надели пальто и кепки, а Москвы все нет. Вглядываются в обе стороны, вплющивают лицо в стекло и огораживают его ладонями (если это ночью), боятся говорить, но думают: «Вот это уж как будто Москва. Столько огней!»

И опять та же история: новая станция, новый поселок, новый завод, разросшийся колхоз и так далее. А до Москвы — те же классические шестьдесят километров...

Тут начинаются думы. Думают о Москве очень много. Задолго до того, как садятся в поезд, чтобы ехать в нее. Думают в поезде. И во время преферансов думают и во время разговоров. И особенно думают вот за этот час-два, подъезжая к Москве. Все думают, кто бы ни был. Москва! Это необъятное явление, о котором нельзя не думать. Никто не едет спокойно в Москву. Если даже отсутствовал две недели, все равно масса новостей. Много изменилось. Люди, дома, мостовые. Неизвестно, какие вас ждут письма на столе, сколько из них приятных, сколько неприятных?

Самый веселый человек в вагоне, главный балагур и анекдотист, приутих. Он думает: а что за его отсутствие успел натворить Кошкин, его заместитель? Несомненно, он делал вид, нахал, что без заведующего работа идет так же хорошо, если не лучше, чем с заведующим... Ах, мерзавец!..

В этом же купе двое грустят по совершенно другому поводу: они едут с рапортом об успешном окончании стройки. Они получают ордена, — это уже известно, об этом все говорили, они уже чвыклись с этой мыслью. Они чувствовали себя уверенно во все время пути, а тут, под Москвой, вдруг усомнились... Они

Рис. А. Топикова

— Говорят: „новая Москва“, „новая Москва“! А негде в этой Москве хорошенько по душам поговорить. Ни тебе Сухаревского ни тебе Смоленского рынка...

бояться говорить друг с другом, бояться взглянуть друг на друга... Ордена? Ордена так легко не получают... Нет... Что-то не то...

И еще один говорун (сколько было «случаев из жизни!») нервно курит. Тут малоприятная история. Его вызывают в правление треста из филиала. Легкая неразбериха. Говорят о каких-то двустах тысячах. Он подготовлен, и у него все документы в порядке, но все-таки... Про «те» восемьдесят тысяч не надо бы говорить... Это особый вопрос... Ну, а если они заговорят? А если они вызывают именно из-за «тех» восьмидесяти тысяч?

Холодеет и тяжело вздыхает.

Вздыхает по другому поводу высокий, скромный, удивительно сдержанный человек с длинной цилиндрической коробкой, в которой лежат чертежи. Он три года борется за свой проект слияния двух рек и постройки гидростанции. Сколько раз его «откладывали», говорили ему, что это не осуществимо, не ко времени, не рентабельно, не научно, дорого. Сколько бюрократических рож, отвратительных в своем тупом консерватизме, стоит перед его глазами. Но он добьется! Его вызывают в Госплан. Он обязательно добьется. Но все же... Кто знает, может быть, будет какая-нибудь серьезная задержка?... Он вздыхает и тревожно смотрит в окно.

А этот спит... Тот, который едет к молодой жене... Год он был на стройке и не видел ее... Она будет на вокзале... Все уже это знают и обязательно посмотрят на нее... Он много спал, чтоб скорее прошло время, и теперь спит, обняв свой чемодан...

Во всех поездах в коридорах стоят люди, впервые едущие в Москву. Это делегаты, работники, отпускники, изобретатели, молодые ученые, романтики, мечтатели, едущие на последние гроши, чтобы только взглянуть на Москву и вернуться... Сколько усилий, сколько сборов, сколько трудностей преодолено! И неужели они будут в Москве? Неужели будут ходить по улицам Москвы, дышать московским воздухом?

Не может быть!..

Бегут поля, леса. Мосты. Реки. Наконец, как-будто приехали! Сколько проводов, труб, вышек, жилых домов!.. Это, вероятно, уже Москва!..

— Приехали?

— Нет. Еще километров шестьдесят...

— А здесь что?

— Ничего особенного. Новый завод... Литейный... Большой завод. И новый рабочий поселок. Только.

Все же поезд приближается к Москве, а не отдаляется от нее. Бьются сердца. Нет человека, у которого не билось бы сердце на подступах к Москве.

Особенно бьются сердца в поездах, идущих к Москве из Минска, от границы. Там едут командированные, истосковавшиеся по родному городу. Они сидят в новых костюмах, новых ботинках и новых воротничках и волнуются: неужели скоро будет Москва?... Большая Дмитровка, Мясницкая, Арбат? И московские люди, и товарищи, и обильные московские новости, и прекрасные московские девушки?!

Но и тут на тысячу ладов неодинаковы пассажиры. Рядом с таким волнением совсем другое волнение у рядом сидящего. Он опасливо поглядывает в окно. Он старается быть спокойным. Он едет в Москву высматривать и записывать. Он должен собрать точные сведения о достижениях социалистического строительства для того, чтобы отвезти их врагам. И в этом же поезде, и в этом и в других вагонах, едут рабочие и друзья Советской страны, едут в гости, едут работать, едут отдохнуть от преследований капиталистов.

А Москва примет всех, поглотит, перемелет и оставит у себя и приласкает тех, кто нужен ей и Советской стране, и выплюнет тех, кто окажется вредным для социалистического желудка.

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

МОСКОВСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Набитому автобусу на номер не смотрят.

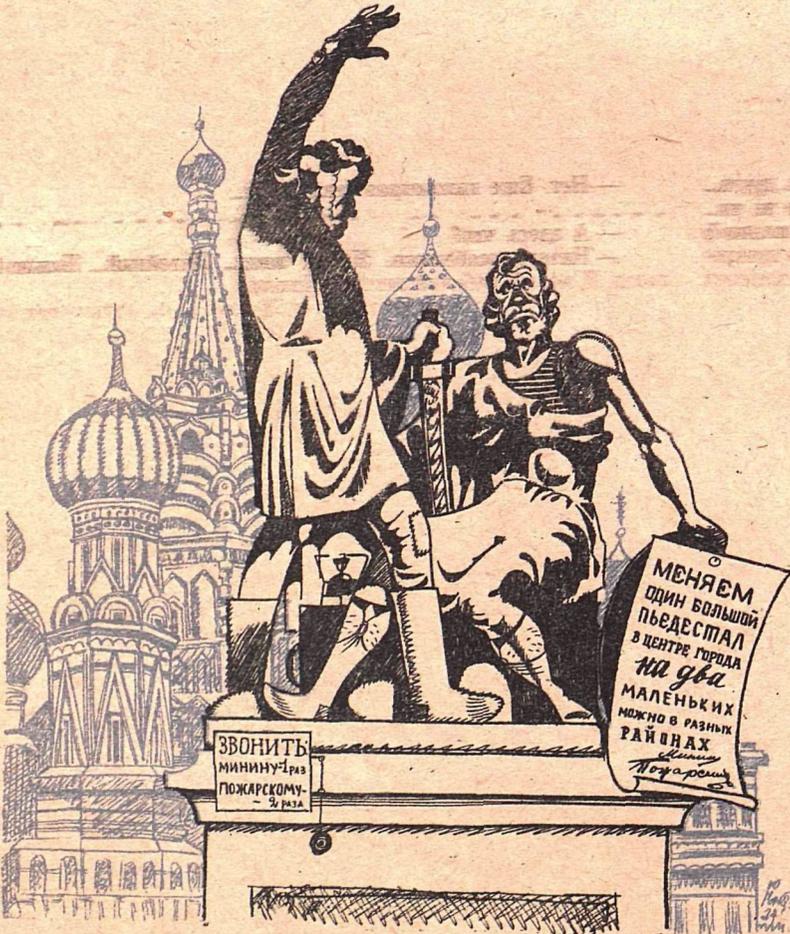
Не говори мерси, пока не сел в такси.

- А как звать-то твоего сыночка?
- Витей.
- Виктор! Ну, вот и хорошо. А то все нерусские имена выдумывать стали!
- Не Виктор, бабушка, а Витамин.

ИЗ МОСКОВСКИХ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ

Рис. Ю. Ганфа

Один из памятников Москвы, о местопребывании которых надо справляться в адресном столе.

(Не предусмотренное Чеховым)

В одном областном центре жили-были три сестры: Ольга, Маша и Ирина. Ольга учительствовала, Маша была домашняя хозяйка, а Ирина служила на телеграфе.

Очень скучали сестры в своем областном центре. Все не нравилось им в родном городе: и мостовые плоховаты, и люди сероваты, и у тенора в оперетке голос сиповатый.

По вечерам сестры мечтали о переезде в Москву.

— В Москву! В Москву! В Москву! — хором повторяли они.

И вот воспаленная мечта сестер исполнилась. Ольгу перевели в Москву, назначили директором школы и даже дали комнату на Плющихе. Через месяц Маша с мужем и Ирина переехали к Ольге. Они перегородили комнату фанерой и стали жить вчетвером.

Сестры чувствовали себя в Москве отлично. Маша целыми днями бродила по магазинам, а Ирина за месяц сделала такие успехи в румбе, что получила значок лучшицы румбистки Бауманского района и даже сидела в почетном президиуме на митинге румбачей, созванном одной центральной газетой.

Однажды, вернувшись домой поздно вечером, Ольга услышала в квартире отчаянный детский плач.

— Наташа приехала. С Андреем и Бобиком, — испуганно сказала Ольге Ирина. — Хочет жить у нас. По-родственному.

Наташа, в зеленом платье с розовым кушачком, сидела на Ольгиной кровати и укачивала Бобика, который ревел басом. Андрей — муж Наташи — рассеянно смотрел на ревущего сына.

— Вы, сестры, не беспокойтесь, — сказал он, — мы к вам не надолго. Мне определенно обещали в тресте комнату. Придется вам уж потерпеть годика два-три. По-родственному, какнибудь.

Ольгину комнату еще раз перегородили фанерой и стали жить всемером.

Через пять дней к сестрам из областного центра приехал их старый друг — доктор Чебутыкин. По-родственному.

— А вот и я, — весело сказал доктор. — До того потянуло в Москву, — сил нет. Взял и приехал. Не прогоните? Чемоданчик-то куда поставить?

Веселого доктора поселили в кладовке. Поломанный велосипед соседа и корзину со старыми ботинками трех квартирных поколений пришлось перенести в Ольгину комнату.

Пролетела еще одна пятидневка. Приехала нянька Анфиса и поселилась на кухне. Сестры нервничали и худели.

Однажды они застали у себя в передней симпатичного брюнета с интеллигентной бородкой. В руках он держал подержанный чемодан.

— Здравствуйте, — сказал брюнет. — Я заш дядя Ваня. Приехал в Москву — и прямо к вам.

— Какой же вы нам дядя, — заплакала Ирина, — когда вы совсем из другой оперы. Мы из «Трех сестер», а вы звон откуда — из «Дяди Вани».

— Это все равно, — строго ответил дядя Ваня. — Одна рука нас писала. Ну, ведите.

Дядя Ваня уплотнил Машу с мужем. А на следующий день Ольга встретила на лестнице старичка с зеленатыми бакенбардами, изнемогавшего под тяжестью солидного солдатского сундука.

— Ольга Сергеевна! Голубушка! Я к вам жить, — пропалкал старичок. — Да вы не бойтесь, я, ей-богу, скоро помру.

— Да кто вы такой?

— Фирс я. Из «Вишневого сада».

— Фирс? Да ведь вас заколотили?

— Убег! Ей-богу, убег! Прослышал, что вы в Москве, и так мне захотелось на метро покататься — вот и приехал. Может, и в театр контрамарку достану — схожу напоследок.

Но окончательно доканала сестер Лиза Лаврецкая. Она приехала подвечер, на ней была старомодная шапочка и нелепый сак. В передней она заплакала и стала целовать Ирину мокрыми губами.

— Наконец-то я в Москве и у своих, — рыдала Лиза.

— Позвольте, вы ведь вообще из Тургенева!

— Классики должны быть вместе.

— Вам паспорта не дадут!

— Тургеневской классической девушке паспорта не дадут? Плохо вы знаете нашу милицию!

— Жизнь сестер стала ужасной. Вечером хотелось посидеть втроем, помечтать, а над ухом басом ревел Бобик, в ванной кашлял и стонал запертый Фирс, дядя Ваня донимал умными разговорами, нянька Анфиса путалась под ногами, а доктор Чебутыкин у себя в кладовке во все горло распевал:

— Тарарабумбия, сижу на тумбе я!

— Опять Лиза Лаврецкая не потушила свет в уборной, — злилась Ольга. — Называется тургеневской девушкой, а такая, извините, с... странная.

— Сестры, давайте обязательно завтра пойдем в Художественный, отдохнем душой, — предложила Маша.

Ирина взяла газету, прочитала объявление и вдруг заплакала.

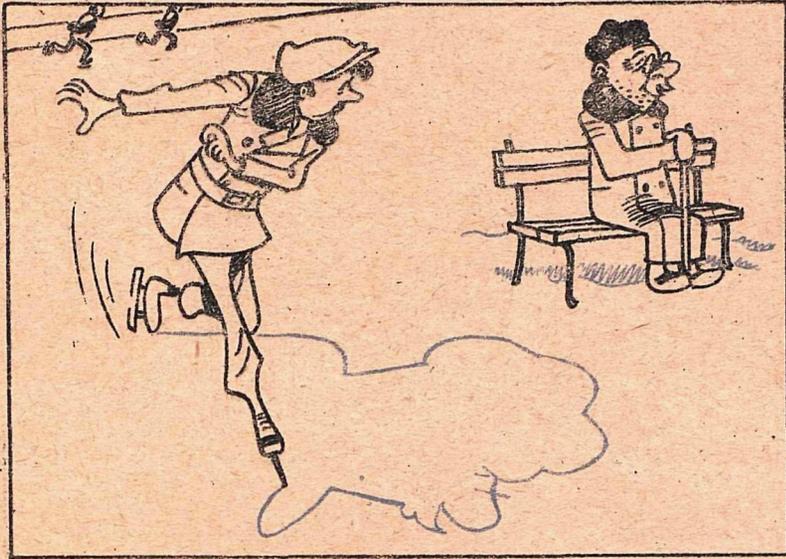
— Художественный уехал на гастроли в рабочий центр. Будет и в нашем городе. Ой, почему я такая несчастная.

— Сестры стали плакать хором.

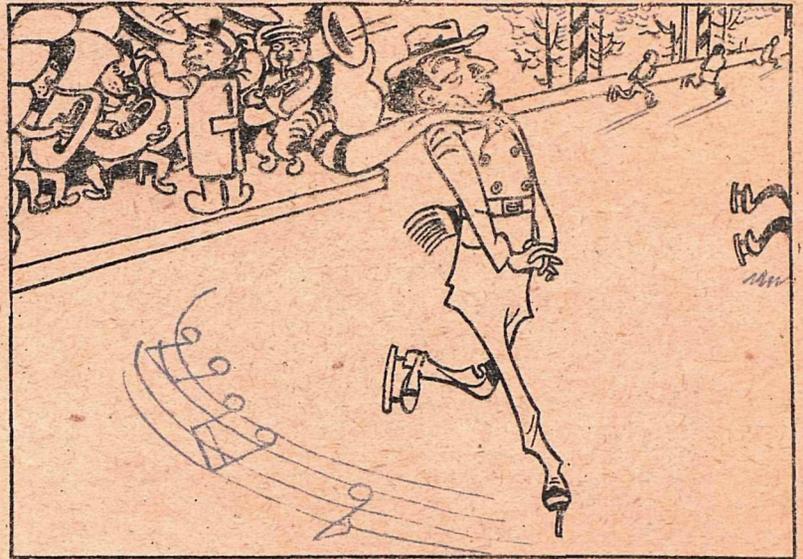
Л. ЛЕНЧ

МОСКВА НА КАТКЕ

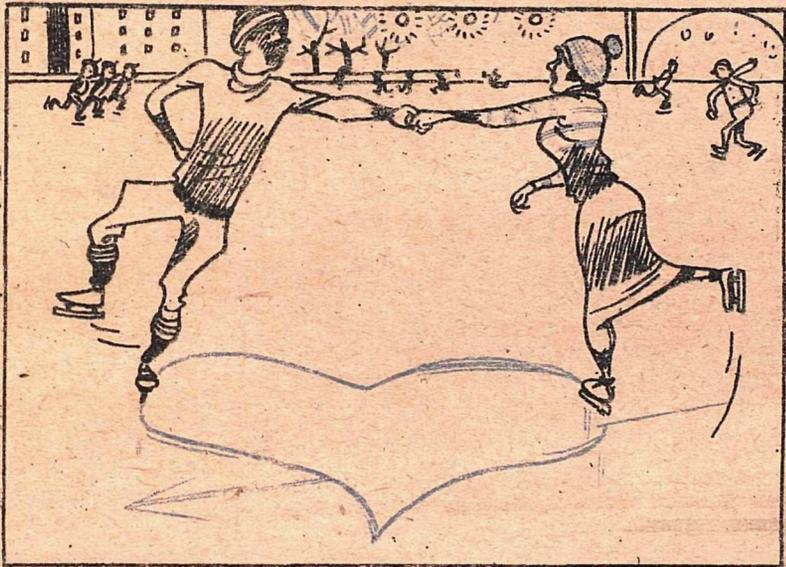
Рис. Ю. Ганфа

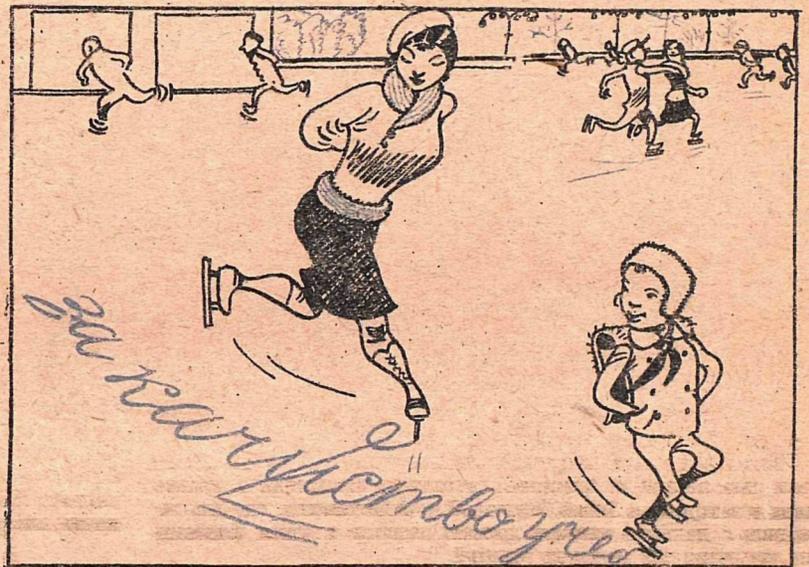
Художник-моменталист.

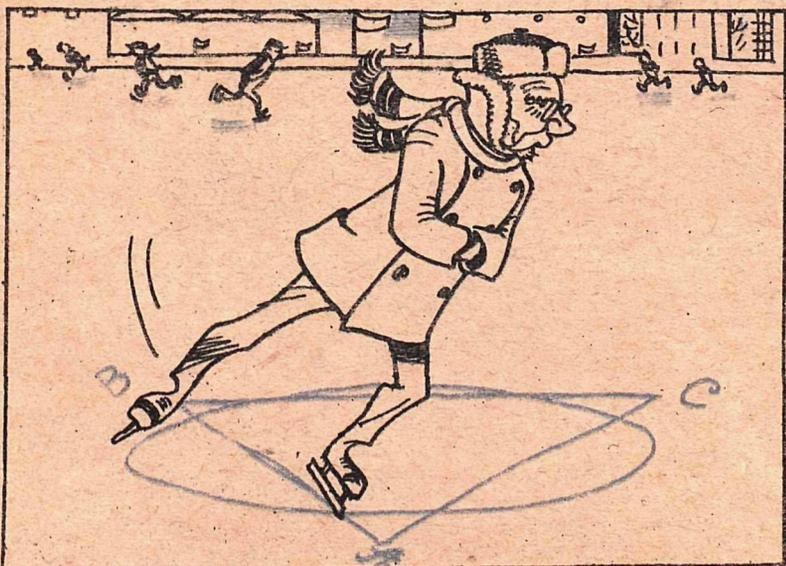
Композитор.

Влюбленные.

Учительница.

Математик.

Бюрократ.

Домик с колоннами

Арк. БУХОВ

Иллюстрации Л. Бродаты

Они сразу полюбили друг друга у театральной вешалки. Анна Карловна, придерживая зубами коричневое пальто, загоняла левой ногой в дальний угол калоши. Гудоемов беспомощно ловил кашне, заканчивающее свое шелковое существование под ногами хлынувших с лестницы зрителей. Одна незаметная деталь сразу способствовала их сближению. Он выбил у нее калошу, а она наступила ему на кашне.

И именно в этот момент Анна Карловна заметила, что у Гудоемова замечательная чеховская борода. Люди с такой бородкой любят чай с вишневым вареньем в теплой комнате и читают вслух Диккенса.

Гудоемов посмотрел на Анну Карловну и сразу понял, что она переводчица с голландского и может спорить о Шиллере, взбалтывая яичницу-глазунью.

Две души поняли друг друга и вышли вместе из театра. И хотя одной душе нужно было ехать шестым номером на Мясницкую, а другой — в обратную сторону, на Триумфальную, оба пошли пешком в одном направлении.

Дорогой говорили мало.

— Моя жизнь сложилась неудачно, — грустно уронил Гудоемов, у моего соседа слева флюс, и он ходит босиком до четырех утра. А сосед справа играет ложечкой на пивных бутылках незатейливые мелодии, когда я сплю.

— Жизнь — это сон, — утешила его Анна Карловна, незаметно пожав руку. — Мне самой из дома послали ящик грupp, а я получила вяленую воблу. Нужно быть стойким.

Потом они стали встречаться каждый день. Гудоемов заканчивал свои лекции об отражении татарского нашествия в музыке джаза и заходил за Анной Карловной в издательство, где она переводила с датского мемуары древних пиратов и песни фламандских кормилиц для массовых изданий.

Они сидели на бульварах, сравнивали облака с барашками и другими животными, находили друг в друге новые достоинства и ели вафли. После одной из нечетных встреч он случайно назвал ее Анютой и понял, что брак теперь неизбежен.

— Мы должны переменить наши комнаты, — твердо сказал Гудоемов. — Я хочу уюта. Я не могу жить с любимым существом между флюсом и пивными бутылками.

— У меня двадцать три метра и собственный счетчик, — ласково кивнула Анна Карловна. — Прибавьте к этому ваш центр и телефон, и мы наверняка получим три комнаты.

— Я хочу жить в маленьком переулке, — мечтательно заметил Гудоемов, — в тихом, овечьем грустью старом московском тупичке.

— В домике с колоннами, — шепнула Анна Карловна, — и чтобы на дворе была густая рябина.

— Именно. С колоннами и с рябиной, — горячо подхватил Гудоемов. — Довольно жить в этих четырехэтажных громадах, в этом вихре бетона и камня, где человек теряет свое «я» в лифтах и коммунальных услугах. Давить надо такие небоскребы! Уведите меня, Анюта, в домик с колоннами! Я требую как муж и человек...

— Усталые после работы, — лирически гудела Анна Карловна, — вечерами мы будем возвращаться по нашему тупичку, занесенному пушистым снегом, в наш домик с колоннами... Тишина...

— Никаких автобусов и других ужасов большого города. Всего четыре квартиры в домике. С одного боку живет тихий, спокойный персональный пенсионер. Он собирает почтовые марки и ложится спать в восемь вечера.

— С другого бока — чья-нибудь вдова. И на дворе куры. И скамеечка под рябиной.

— А в квартирке голландские печи. Потрескивают дрова. Ты сидишь в пижаме и читаешь издания «Академии». Незданые

блокноты архимандрита Феофания или путевой дневник Батяя. Я сижу рядом и...

— Довольно! — пламенно воскликнул Гудоемов. — Хочу в тихий московский тупичок. В домик. В колонны. Довольно!

Проводив ее до дому, Гудоемов осмелел и даже поцеловал в перчатку.

— Анюта... Анна... — восторженно шептал он. — Анна Карловна... Карл... Карлами звали всех победителей. Ты мой победитель, Анюта. Завтра пойдем менять комнаты.

В Левохалупьевском тупичке на Арбате не было недостатка ни в домиках с колоннами ни в рябинах перед ними. Соответственно своему художественно уютному расположению каждый из них был в равной мере снабжен и курами во дворе, и тихими персональными пенсионерами, и пушистым снегом. И что самое главное — не было недостатка в солидных людях, желающих поменять свои комнаты на Гудоемовскую и Анны Карловны.

Через полторы декады молодая чета перевезла на грузовике этажерки, полотенца, копии картин Левитана, терракотовые вазы с завядшими хризантемами и самих себя в домик с колоннами.

— Какой очаровательный домик, — умиленно шептала Анна Карловна, расставляя утюги и стихи Игоря Северянина по углам, — в нем веет историей Москвы...

— Специально исторический дом, — подтвердила прежняя владелица квартиры, помогавшая ей. — Князь здесь один жил. Князь Серебряный, кажется. К нему сюда Наполеон заходил. Во время пожара. А потом его мануфактурист Хрякин для своей певицы из Ревеля построил. Летом здесь сплошная история. Закаты. Рябина колосится. Куры клюют. На второй колесне кирпича не хватает. Наверное, Наполеон вывернул. Мало ли что человек во время пожара может сделать...

В тот же вечер в голландской печке действительно весело, жарко и уютно потрескивали дрова, щедро оставленные в количестве девяти поленьев прежней квартиранткой, и приятно булькала в чайнике вода, тоже гостеприимно оставленная ею же в кухонном баке.

— Какая прелесть, — умиленно стонала Анна Карловна, — наконец мы с тобой вдаль от городского шума, в тихом московском тупичке... Дай я тебя поцелую...

— Пусть в этом домике, — растроганно откликнулся Гудое-

мов, — начнется наша новая, безмятежная жизнь. Дай я тебя поцелую!

Вечер прошел незаметно в незамысловатых занятиях. Или Анна Карловна подходила к дивану и целовала Гудоемова в висок, или Гудоемов шлепал в вышитых туфлях к креслу и целовал Анну Карловну в ухо. Это было типичное освоение классического наследства, оставленного нашему времени первыми молодоженами на земном глобусе.

Потом пили чай с повидлой, читали вслух разрозненного Диккенса и мелкие примечания к скандинавским поэтам, а когда утром Гудоемов проснулся, он почувствовал, что у него идет пар не только изо рта, но и из левого уха.

— Холодно, дорогая, — заискивающе прошептал он. — поверни ручку парового отопления. Слева под подоконником.

— Здесь нет парового отопления, милый, — ласково сказала Анна Карловна, — ни отопления ни ручки. Подоконник есть, но он не греет. Это у тебя на Триумфальной было. Надо купить дрова. У нас есть только один сук и две щепы.

— Надо купить дрова, — пожелал под одеялом Гудоемов. — Интересно, где их покупают. Насколько мне не изменяет память, в коммерческих магазинах их нет. Наша товаропроводящая сеть действует из рук вон плохо. Может быть, ты поставишь чайник, дорогая?

— А где я возьму воду? — печально сказала Анна Карловна.

— Из водопровода, мое солнышко. Отверни кран и подставь чайник. Вода нальется без особых усилий.

— Хорошо, — согласилась Анна Карловна. — Накинь шубу и накачай воду из колодца. Здесь нет водопровода.

— Чудак этот Наполеон, — кисло уронил Гудоемов, вылезая из-под одеяла, — заходить во время пожара они все мастера, а вот чтобы водопровод поставить...

— Это не Наполеон, цветочек, а мануфактурист Хрякин. Это он без водопровода.

— Типичная сволочь. Догнивающий класс. Отрыжка средневекового капитализма. Где здесь колодец?

— За помойной ямой налево. Береги свое здоровье, родной, не упади в ледник и смотри, чтобы тебя не укусила собака за ляжку.

На службу пошли без чая. Оказалось, что направо от ворот поворачивать было нельзя. Поперек соседнего переулка тоже стоял домик с колоннами и преграждал всякий доступ к дальнейшему следованию. Нужно было вернуться обратно. На обратном пути пришлось перепутаться в новый домик с колоннами. Где-то вдалеке буйно и победно дребезжали трамвайные звонки, призывно гудели автомобили, а маленький человек в бобровой шапке метался по тупичкам, как одинокая мышь, попавшая в рояль. Гудоемов перелез через какие-то загородки, нырнул в проходные дворы и только спустя полчаса через щель в заборе увидел уже знакомую помойку и оледеневший колодец. Пришлось начинать путь сначала. Гудоемов с тоской вспомнил о Христофоре Колумбе, у которого все-таки был с собой компас, и через два часа уже попал в институт, пропустив половину лекций.

В этот вечер количество поцелуев в домике с колоннами сократилось почти вдвое.

На другое утро Гудоемов разыскал в подвале мрачного человека с бородой, росшей у него вместо усов. Оказалось, что этот человек с двойной фамилией Стык-Дрицын был родственником покойного домовладельца, являлся в домике с колоннами дворником, домоуправлением и санитарной тройкой. Кроме этого, он настраивал рояли, делал из ваты кошек для ручной продажи и брал заказы на тапочки.

— Послушайте, — сухо сказал ему Гудоемов, — мне кажется, что из-под крыши что-то капает.

— А как не капать, — уныло и недружелюбно ответил Стык-Дрицын, — когда оно проваливается.

— Кто проваливается?

— Крыша. Я ее по выходным дням столбом подправляю. А жильцы — сволочи: столбы на дрова перепиливают. Столбов на них не напасешься.

— Чинить же надо, — скорбно вздохнул Гудоемов, — нельзя же так.

Через четыре дня о поцелуях в домике с колоннами ничего не было слышно. Это был обряд, давно уже потонувший в глухой старине. Дрова обещали привезти через две декады, и Анна Карловна растапливала печь разрозненным Диккенсом.

— Не сиди олухом, — едко шипела она на Гудоемова. — Не пяль на меня глаза. Делай хоть что-нибудь. Сунь в печку хоть что-нибудь. Зачем у нас портреты в рамах. Сунь в печку раму!

— Отстань, ведьма, — откликнулся Гудоемов, гневно шлепая туфлей, — это не девятнадцатый год — топить печку рамами! Я хочу жить в девятьсот тридцать пятом.

— Поезжай обратно на Триумфальную! Это ты первый сказал — домик с колоннами. Тупичка захотелось, дубина!

— Молчи, урна! Это ты гудела насчет домика с колоннами. Отдай мое паровое отопление и отдельный телефон!

— Интеллигент! Верни мне мою ванну и номер шесть без пересадки! Подавись своими колоннами. Рябина на дворе! Куры! Живи с дворовой курицей и оставь меня в покое!

— Замолчи! Я не могу слышать вас, Анна Карловна... Карл! Имя какое выбрал! Может быть, еще какой-нибудь Карл пятый или седьмой. На чистке все обнаружится!

Прошло еще полторы декады, и в «Вечерней Москве» появилось маленькое заманчивое объявление:

СРОЧН. МЕН. уютн. кварт. со вс. уд. в тихом тупичке в дом. с колон. на одну прох. комн. в центре. Согласн. за год вперед, на ремонт и застр. Левохалупьевский пер. д. 7, во дворе за колодцем, кричать два раза.

Ночью уже ворвался первый кандидат на обмен. Он нетерпеливо мям серую барашковую шапку и восхищенно ахал:

— Домик с колоннами! Рябина на дворе! Тихий тупичок...

— Замечательно, замечательно, дорогой товарищ, — радостно лебезил Гудоемов. — А какие закаты. Пушистый снег... Вы будете вслух читать Диккенса... Чайник... Вишневого варенье... Наполеон заходил... Дайте ваш адресок. Вешички ваши мы сами перенесем, честное слово, вы не беспокойтесь. Я люблю со шкафами ходить. И она любит. Вы не смотрите, что она такая грустная. Дайте ей сундук в трамвае провезти — сразу повеселеет. Значит, завтра в шесть утра. Обязательно придем, обязательно...

Через пять дней Гудоемов и Анна Карловна сидели около парового отопления в узкой проходной комнате, грели ноги и радостно прислушивались, как сосед прибывал большим молотком вешалку к стене.

— Жизнь! Размах! — восторженно шептал Гудоемов. — Стучит! Прибывает! Вихрь большого города! Это тебе не домик с колоннами! Дай я тебя поцелую!

— Топят каждый день, — возбужденно шевелила ногами Анна Карловна, — внизу трамваи, завтра пойдем в театр... Дай я тебя поцелую... Я всю жизнь мечтала об уютной проходной комнате в центре!

— Еще бы! — ласково подмигнул Гудоемов. — Это тебе не рябина во дворе.

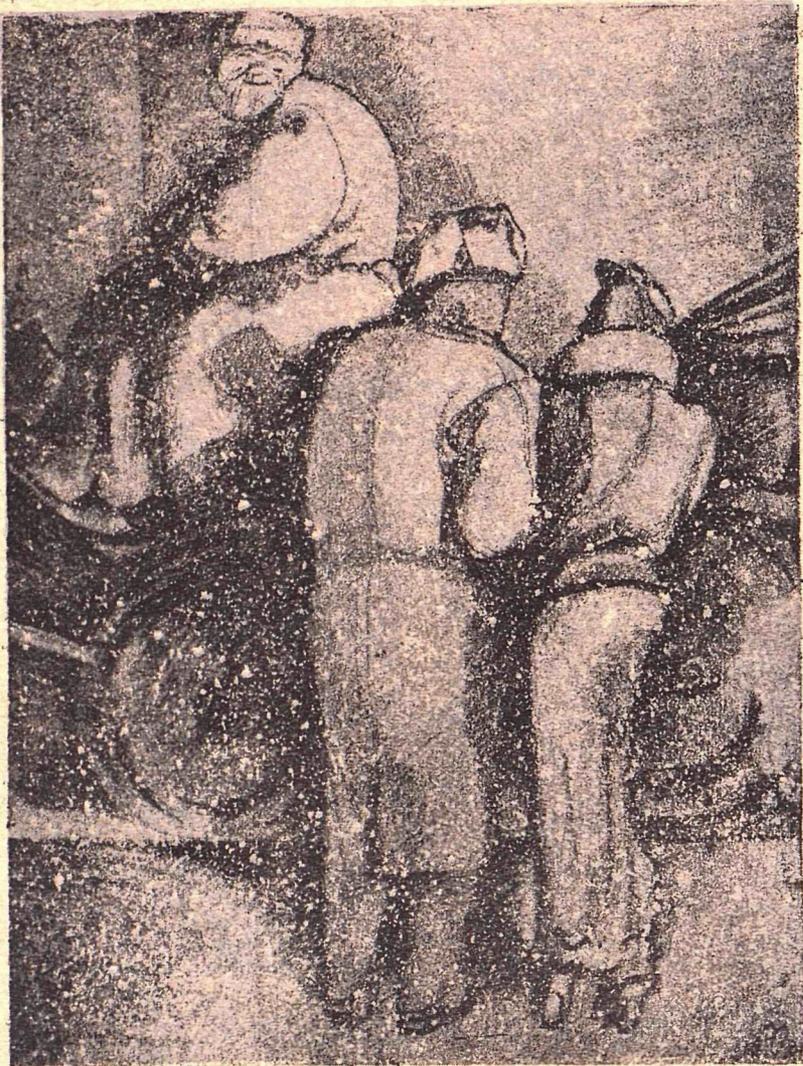
— И даже не куры, — ласково закончила Анна Карловна и поцеловала мужа в висок.

Сосед улоенно играл на гармошке. Стекла дребезжали.

Арн. БУХОВ

Рис. Н. Ротова

— Извозчик! Почему так дорого берешь?
— А билеты в театр нынче почему?

БЕЗ БОРОДЫ

Не-ет... Были в Москве адвокаты, да выдохлись.

Какой раньше Сабанин адвокат был!.. Не поверите... Бороду ему содержать в два раза дороже было, чем мне приказчика. А у меня приказчики были ой-ой-ой-ой... Таких резчиков по бородке да по лососине, других в Москве не было... Сейчас один в главном «Гастрономе» работает — артист... Заслуженного ему должны бы дать.

Да, уж и борода!.. У меня, у купца, борода была, но против его — метла.

Войдет, соболью шубу раскроет, а борода по манишке. Зерном.

Глядишь на него, — видно, что человек хуже пса брешет, а веришь. Потому, это уж не брехня, а дар божий. За брехню тысяч таких не платят.

Я его до революции только два раза слышал. В первой старика-миллионщика за пятьдесят тысяч выбелил: тот, по-нашему, по-коммерчески говоря, одного инженера котировал. Подкараулил его со своими ребятами у жены в спальне, да и — благодать господи... — чтобы больше баловства не было. Сократил.

А в другой раз пришлось самому в присяжных при суде быть: вольную бабенку судили, от Яра. Одному купеческому парнишке полноса в ресторане ножом отсекла, ну, не полноса, а уж на три-то восьмых потянет, с походом.

У отца хорошее рыбное дело в Охотном было. Оптовое.

Парнишка наперед с этой бабой крутил, потом на другую переключился. Ну, та — в амбицию.

Сабанин ее защищать взял...

Поднялся. Бороду так подмел, на руке перстень. И сразу:

— Господа присяжные заседатели! — говорит. — Был ли кто из вас девушкой?

Переглянулись, — никто. Народ на подбор — солидный. Только один учитель, молодой такой, розовый, рот это, было, открыл, а потом застыдился, спрятался.

— Испытали ли вы хоть раз, что значит впервые отдаться юноше?

Тоже опять бог миловал.

— Так вот, — говорит, — господа присяжные заседатели! И потому, когда вы будете судить девушку... этот цветок, который отдал свой мед коснувшейся его бабочке... — вот как до слова

запомнил, — первому мотыльку, вы поймете, господа присяжные заседатели, какое отчаяние должно было овладеть этой душой, когда вместо мотылька она увидела обольстителя.

А тут прокурор.

— Позвольте мне, — говорит, — справку дать. Девушке, о которой здесь говорят, сорок лет, а обольстителю — двадцать. При чем год рождения последнего совпадает с годом ограбления ею в «Акварнуме» подковника Полбисквитина.

Гляжу: и впрямь, — где глаза были? Бабенка сидит пудов на шесть без требухи и из себя немка, да и то с браком: волосы на корню черные. Не миновать — закатают.

Прокурор на мальчишку показывает. Парню, верно, лет двадцать, и головизна попорчена.

Ну, забирай, адвокат, бороду и иди!

А он хоть бы что... Хоть бы глазом моргнул!

Так только вздохнул, словно все грехи мира на свою душу принял.

— Правильно, — говорит, — господа присяжные заседатели, правильно!.. В том-то, — говорит, — и трагедия, что это уже не девушка... Но господин прокурор ошибся. Ей не сорок, а пятьдесят лет. Будь ей сорок, она, может быть, и простила бы юноше, быть может, прекрасному юноше!.. Но ужас весь в том, что это было последнее ее чувство... Последняя ее греза!..

В общем, зарядку адвокат дал.

Колбасник, как добежал до комнаты, прямо в раз:

— Не виновна!.. Малому, — говорит, — нос пришили? Пришили... Ну, и носи с богом. С твоим капиталом за тебя и без носа любая девка пойдет. А немку губить не за что.

Оправдали. А пришел домой, — все, как рукой, сняло.

— Ужель, — говорю, — в Москве, а такой порядок: носы без всякого штрафа сесть?

Вот оно что языком московские адвокаты делали.

Это была работа!

— А теперь что? Почему мне два года принудработы дали?

— Тебе, — говорят, — бывшему человеку, советский прилавок доверили, а ты, — говорят, — полыми гириями три года орудуешь.

— Полыми, — говорю, — или бесполыми, это на суде видно будет.

И защитника.

А защитник... Сабанин!

Увидал — и глазам не верю.

— Николай, — говорю, — Павлыч?.. Ужели вы?

— Я, — отвечает.

— «Я», а сам, видать, совестится. А бороды больше нет.

— Мы, говорю, с тобой, Николай Павлович, старые москвичи, коли про обвес говорить станешь, дело тут наше чистое. Я не на себя, а на государство работаю. Что слегу схватил, — мое, а что гири нутром взяла, — то хозяйну. Государство-то, говорю, не в накладе... Да что тебя, адвоката, учить: у вас язык, как лиса, только что лесок кругом вырублен. А я уж тебя не обижу.

А он поглядел да этак мне, с холодом:

— Вам, — говорит, — товарищ Потоскуев, прежде всего одно надо знать: задача советского защитника в том, чтобы помогать советскому суду освещать истину. Обвешивали вы советских граждан? Обвешивали. Значит, и государство обвешивали.

— Покорно вас, Николай Павлович, благодарю!.. Если такое ваше новое дело — истину освещать, я другого Николая-святителя поищу, который при бороде остался.

Помолился Николаю-угоднику и — в суд. В чем мать родила: без защитника.

— Пишите, — говорю, — на меня, граждане судьи, дело тут ясное: обвешивал и обвешивал! И гири с утробой брал и-е воздуха смахивал. Кишка у меня не допускает верный вес дать.

— Вот это, — говорят, — ясно и коротко.

— Уж раз вы, — говорю, — товарищи судьи, да прежнего московского адвоката в такой грех ввели, что он на суде правду говорить стал, то легче мне этот грех на личную душу взять, я человек верующий: — Да, — говорю, — виновен!

Два года без торга дали и благодарность за экономию судебного времени.

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

ВОН ИЗ МОСКВЫ?

(Монолог современного Чацкого)

«Вон из Москвы! Сюда я больше не езду!»

Карету мне! Карету!»

Теперь бы я воскликнуть так не мог:

Кареты этой нету!

Я б стал в черед, чтоб подождать такси.

Хоть близак локоток, — а, ну-ка, укуси!

Напрасна за такси погоня...

Я — на вокзал бегом. А там поют мне в лад:

«Товарищ Чацкий! Есть ли блат!?»

Куда ни попадешь, повсюду шумно, людно...

От тесноты кружится в голове...

«Вон из Москвы!» Но это сделать трудно!

Нет! Лучше уж останусь я в Москве!..

МИХАИЛ ПУСТЫНИН

ТАИНСТВЕННЫЕ ДОМА

Иллюстрации Ю. Ганфа

В свое время в Москве было не мало таинственных домов. О них даже писали и достаточно подробно в газетах того времени. Жигели М. Рваного переулка, что на Постырухе, очень обеспокоены таинственными происшествиями в доме купеческой вдовы Агр. Ив. Дралкиной. В доме стали раздаваться самостоятельные звуки, по поводу чего составлен полицейский протокол и совершенно молебствие о. Плимием. По вечерам в доме сами собой передвигаются вещи. Соседи видели, как из второго этажа вышел сундук, хлопнул крышкой с тихим посвистыванием и ушел на чердак. Вдова Дралкина уезжает в провинцию, и дом заколачивается.

Или еще проще. Старожилы Синекрысыего тупика, что на новой Растеряхе, подали жалобу г. пристава 9-го участка на нечистую силу. Последняя уже около двух лет обитает в бане штабс-капитана в

отставке г. М. и пугает местное население недозволенными стенами, ходьбой в саване, а также крупными некрами ее глаз. Присутствие нечистой силы обнаружила просвирня Едукаева, арендовавшая баню для продажи спиртных напитков и горячих закусок. Распоряжением г. пристава нечистая сила удалена из вверенного ему участка.

Теперь, как известно, в Москве и Московской области свободных чертей в наличии нет. Повидимому, они или засланы товаропроводящей сетью в другие районы или же не вырабатываются в силу отсутствия спроса со стороны организованных трудящихся. И нечистая сила как таковая не отмечается даже на страницах «Вечерней Москвы».

И тем не менее, мы утверждаем, что в сегодняшней Москве еще сохранились таинственные дома, в которых происходят жуткие и плохо объяснимые явления, наводящие ужас на население.

ДЕТГИЗ

С некоторого времени в помещении Детгиза стал появляться призрак мальчика без савана, который гулко топает по коридорам и монотонно гудит:

— Дядя Семашко, дай детскую книжку!

Многочисленный и испуганный штат Детгиза пытался сотворить крестное знамение над призраком — до военным изданием Чарской, но упрямое привидение плю-

нуло на переплёт и продолжало стенать дальше.

Вызванный на место таинственного происшествия наряд милиции не обнаружил ни призрака ни достаточной издательской продукции.

ПОТЫЛИХА

Как известно, на Потылихе, кроме двух канав и незаконченного трамвайного пути, находится также и кинокомбинат. Нечистая сила долгое время не могла попасть в эту отдаленную часть города, так как пешком идти туда невозможно, а автотранспорт находится в личном распоряжении ответственных работников кинофронта. И только в последнее время по ночам кинофабрика стала наполняться призраками загубленных фильмов. Души неиспользованных сценариев, скелеты разбросанных авансов и перетраты в саванах мрачно стучатся в двери директорского кабинета. Среди призраков очевидцы заметили также унылое привидение кинозрителя в саване с оторванными в трамвае пуговицами. Последний садится на подоконник и оглашает воздух раздражающими бывшую душу криками:

— Дай комедию!.. Дай комедию!..

После чего призрак ест оставшийся от дневного заседания бутерброд с призраком паусной икры и плачет.

Днем привидения на Потылиху не являются, так как в это время суток весь аппарат дирекции находится на заседаниях в других частях города, и застать его на фабрике невозможно.

ГОМЭЦ

В этом небольшом центральном учреждении, посвященном конному искусству и эстраднему творчеству и живописно расположенном между Госцирк и Трубным базаром, появление первых привидений было встречено без особого ужаса.

— Зачислить в штат, — приказал директор ГОМЭЦ, — составить из них выездной вокальный ансамбль для периферии и перевести на самокупаемость. Репертуар и саваны — свои, проезд наш. Завтра — в Калугу!

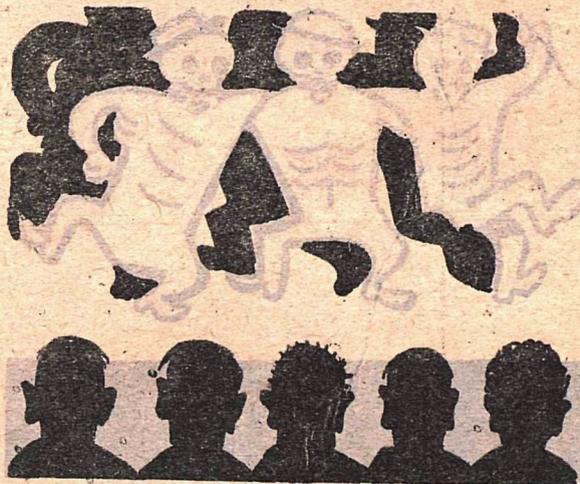
После этого события безработные привидения старых куплетистов, чечоточников и имитаторов птичьего свиста могучей волной повалили в гостеприимное учреждение.

Окостеневшие от ужаса эстрадные авторы срочно выкапывали из могил куплеты о теще, монологи о кокетливых гувернантках и склеивали кладбищенским клеем производственные темы с фривольными припевами восьмидесятых годов. Некоторые в панике перешли на изготовление вокального репертуара для цирковых моржей.

Незначительная часть эстрадных актеров в беспамьятстве была вынесена на носилках, головами вперед, и сдана в другие учреждения для ведомственной культуры.

Последнее привидение, посетившее ГОМЭЦ, ушло оттуда вследствие внутренних материальных затруднений предприятия и, продав саван, перекаленифицировалось из скелета в прах.

Никаких протоколов о привидениях в ГОМЭЦ еще не составлено.

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ДОМ.

Подобно Кордильерам, разделяющимся на многочисленные могучие хребты, писательский дом, в Нащокинском переулке, делится на подезд Гениев, корпус Гигантов и флигель Титанов. По ночам обитатели подезда Гениев заглядывают в соседние этажи за вчерашними газетами, шпротами и свободными темами. В свою очередь и жители корпуса Гигантов иногда спускаются в низины флигеля Титанов узнать, в каком веке жил Фридрих Шиллер и почему сейчас в комиссионных магазинах котиковые шапки для провансов.

Случая выхода обитателей Дома писателей на улицу еще не наблюдалось. Подезд Гениев пишет свои полотна на основании мемуарных воспоминаний флигеля Титанов, а последний кует мировоззрение и расширяет творческий размах на базе устных рассказов корпуса Гигантов.

Как видит читатель, простому привидению, не имеющему связи, звучных отзывов «Литгазеты» под саваном, трудно пробиться в эту сгущенную и замкнутую атмосферу. Тем не менее, совсем недавно, в полночь, на крыше Дома писателей появился жуткий призрак, который долго вращал впадинами глаз на морозном воздухе, хлопал костями и вдруг неожиданно завыл гробовым голосом:

— А кто скрал седьмую главу?

Паника во всех трех хребтах писательского дома поднялась одновременно. Гении спешно запирали форточки, забывая отверстия копченой колбасой, подушками и переделками Свифта. Титаны заваливали двери неразрезанными дареными книгами. Гиганты уныло молились под диванами.

Привидение откашлялось и, постучав берцовой костью о водосточную трубу, снова взвыло:

— А кто здесь Туркестан с Индостаном путает? Выходи на крышу!

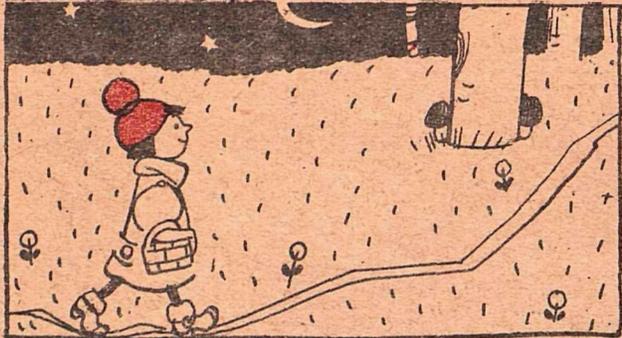
В доме воцарилась жуткая тишина. Слышно было только, как один молодой лирический поэт упоенно отщелкивал на счетах платные рифмы раздробленных строк. Да беззвучно смеялась на лестнице прилбудная кошка, чуждая интересам Гигантов и Гениев. И Титанов тоже.

Привидение ушло. Жизнь в доме закипела.

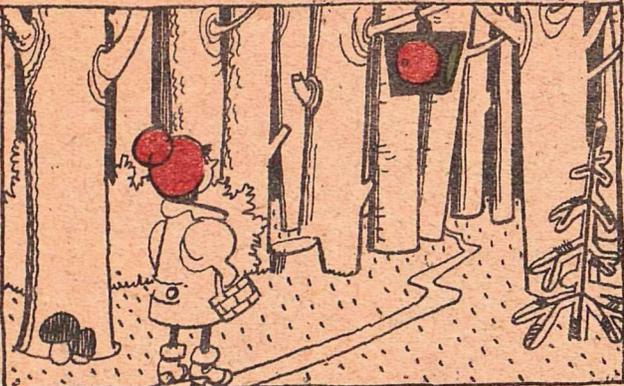
На этом список таинственных домов временно прекращаем. А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

СКАЗКА О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ,
СОБЛЮДАВШЕЙ ПРАВИЛА УЛИЧНОГО ДВИЖЕНИЯ

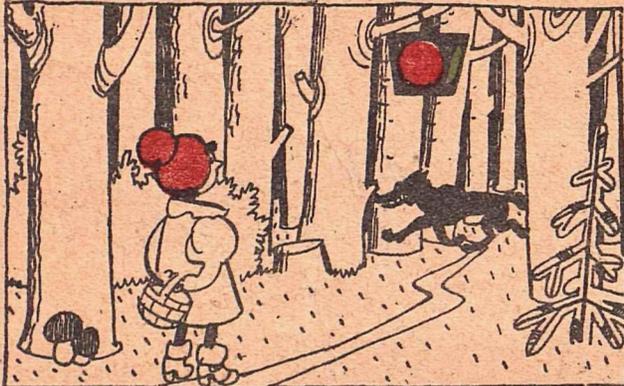
Рис. К. Ротова

Жила была Красная шапочка. Послала ее мама к бабушке завтрак отнести...

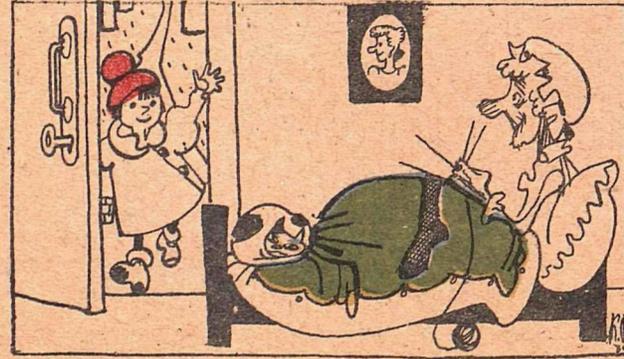
Идет Красная шапочка по лесу и вдруг видит красный сигнал на светофоре. Остановилась Красная шапочка...

Остановилась и стоит спокойно, а тем временем Серый волк дорогу перебежал.

Перебежал Серый волк дорогу и скрылся в лесу — ушел по своим делам.

И кончилось все благополучно: пришла Красная шапочка к бабушке. Радуетса бабушка, смеется Красная шапочка... Вот что значит правила уличного движения соблюдать!

СТАРУШКА ПОЛЗЛА

Старушка ползла,
В полушубочке ватненком,
По разным Благошам
Да по Сыромятникам —
Прижать ко кресту
Свои старые губы.
Пришла и остановилась...
у клуба...
Этажи там друг на дружке —
Не окинуть глазом.
Ах, куда девать старушке
Свой энтузиазм!..

Что-то завтра бог пошлет
нам!
Вот-те и гостинец!..
Встала старая в Охотном
Между двух гостиниц...
Нам у каждого фасада
(Просьба к вам, бюро
проектное!)
По старушке ставить надо
Точечкой эффектно!..
М. СВЕТЛОВ

АНТОЛОГИЯ СТАРОЙ МОСКВЫ

«Москва! Как много в этом слове
Для сердца русского слилось...»

ВЕК ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

«Только два дня, как началась оттепель, но от здешней, известной вам чистоты такой столь бальзамовый дух и такая мгла, что из избы выйти нельзя. В городе множество помеху и всякого скаредства, отчего соседям и приезжающим людям, особенно в летнее время, может быть повреждено здоровье.»
(Генерал Волков—Екатерине I).

«У меня в Москве очень дурное помещение в грязном квартале... соседние испарения распространяют миазмы... и я удаляюсь оттуда почаще.»
(Екатерина II—Гримму).

«Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра. Великолепная картина, особливо когда светит на нее солнце...»
(Карамзин. «Бедная Лиза»).

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

«Велика сила Москвы, в ее громадном населении, в обилии в ней просветительных и благотворительных учреждений, удобствах и удовольствиях своей жизни, в мощи ее государственно-первовных преданий...»
(В. В. Назаревский. «Из истории Москвы»).

«...Москва была уже — рукой подать... и навстречу понесся тот специфический запах, которым в старое время отличались ближайшие окрестности Москвы.
— Москвой запахло! — молвил Алемпий на козлах.
— Да, Москвой, — повторила матушка, проворно зажимая нос...»
(Салтыков-Щедрин. «Пошехонская старина»).

«Крупное купечество и промышленники с давних пор, с первых шагов городского самоуправления, принимают серьезное участие в хозяйстве города.»
(«Москва в прошлом и настоящем». Вып. XII, стр. 17).

«Я знаю Москву чуть ни с пеленок, всегда там воняло. Когда я еще на школьной скамье сидел, Москва была до того благополучна, что даже на главных улицах вонь стояла коромыслом... Воняло и от продуктов, и от продавцов, и от покупателей. Воняло от гостиниц Шевалдышева, Шора, а пониже — от гостиниц «Париж» и «Рим»... А к Охотному ряду, к Ильинке и к купеческим усадьбам даже приступить не было: благодать, видимо, почивала на них.»
(Салтыков-Щедрин. «За рубежом»).

«Ах, Москва, Москва, Москва,
Золотая голова!»
(Из романа).

«Москва близко! Москвой пахнет!» — говорили кучера и лакеи и набожно снимали картузы, приветствуя золотые московские маковки. И что ближе, то пуце и гуще.»
(Салтыков-Щедрин. «За рубежом»).

«За немногими исключениями все выдающиеся деятели Московской городской управы, имена которых вечно будут памятны в ее летописях, выдвинулись из рядов купечества. Почти все городские головы... принадлежат к купечеству: С. М. Третьяков, Н. А. Алексеев, Рукавишников, Гучков...»
(«Москва в прошлом и настоящем». Вып. XII, стр. 30).

«Отмечая также носившееся над Москвой зловоние, ставившееся особенно нетерпимым в нижней части Тверской, около Охотного ряда, где долгое время резалась птица и скотина.»
(«Москва в прошлом и настоящем». Вып. XII, стр. 6).

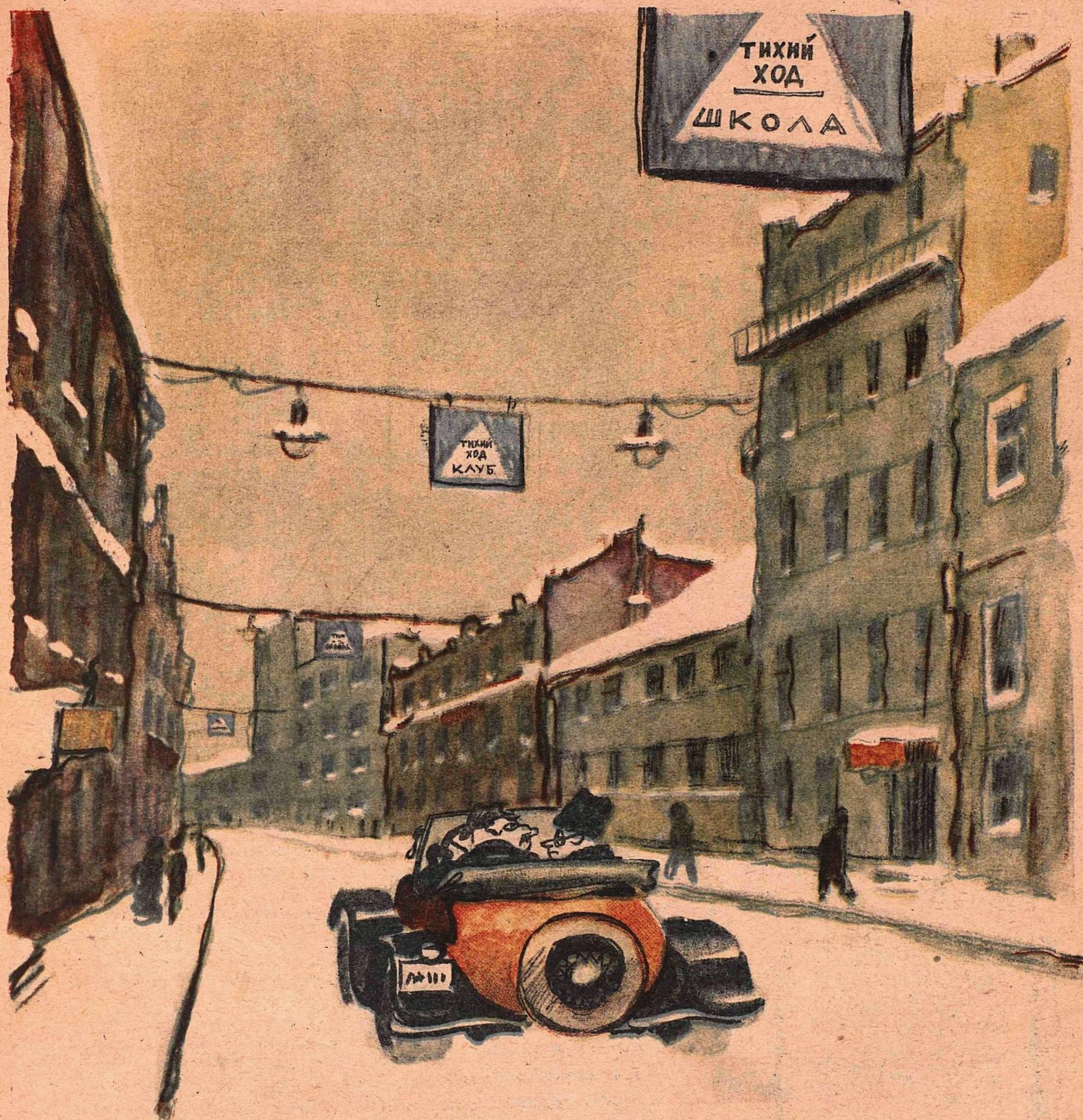
ВЕК ДВАДЦАТЫЙ

«Чуждаясь широких платформ и резкой политической окраски и не страдая «чрезмерным» демократизмом, Московская дума работает над развитием городской жизни и благоустройства...»
(«Москва в прошлом и настоящем». Вып. XII, стр. 18).

«Странно, что зловоние городских трущоб не достигает носов наших думских санитаров...»

(Д. Никифоров. «Старая Москва». Описание жизни в Москве со времен царей до двадцатого века. Москва, 1902 г.).
Из коллекций Д. ЗАСЛАВСКОГО

Рис. М. Храпковского

— У нас в Москве не раз'ездишься: на каждом шагу либо школа, либо клуб...

П Р О С П Е К Т И Л Ь И Ч А

Прохожий! Где она — Китайская стена?
 Деся проспект на два нелепых коридора,
 Века стояла здесь она
 Как символ тупости, как злейший враг
 простора.

Тут шарлатан орал: «Взгляните, вот оно
 Мое запатентованное средс-тво!
 Потрите свой спинжак, и не найти то
 место.

Где было эсто
 Жирное пятно!

Хозяин города, московский пролетарий.
 По темноте и рухляди ударил:
 Трамваи не ползут, а мчатся все быстрее,
 Асфальтовая гладь блестит от фонарей,

И там, где раньше грязь месили мы, как
 тесто,
 Чудеснейший проспект увидеть нам дано,
 Стены же — нет как нет, и не найти то
 место,

Где было эсто
 Москву срамившее «пятно».

Н. АДУЕВ

А ВЫ ГОВОРИТЕ...

Все-таки, что бы ни говорили, а раньше в Москве тоже культурная жизнь была.

И легче как-то было возвращаться молодому человеку, полному здоровья и духовных запросов. Все ему шли навстречу. И литература, и общественность, и даже периодическая печать.

Захотел, например, молодой человек полюбить. Пожалуйста. У нас с этим сплошная возня. Бриться надо, зубы чистить, даже иногда ноги мыть. Как будто сапоги надо в гостях снимать. И при всем этом бывают обидные срывы. Так с вымытыми ногами ни с чем и уходят. То любимая девушка обидится, что не знаешь, на каких островах Чехо-Словакия, а то просто выйдет замуж за другого, пока ей контрамарку в кино несешь.

Раньше — другое дело. Берет молодой человек, например, еженедельный журнал «Искры» за декабрь 1896 года, № 49, и читает там объявление:

Новая книга Милль Юэля

„Магические способы всёх

заставить **ВЛЮБИТЬСЯ**
в себя

съ прилож. таинст. талисмановъ любви для молод. людей и дѣвуш. Цѣна съ перес. 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ скидка. Катал. „Самопомощь“.

Книгоиздат. „Трудъ“.

И сразу все становится просто, легко и ясно.

Любовь сразу становится на деловую подкладку. Почитал книжку, подкинул талисман, — вот вам и готовое безбрежное счастье с любимым существом за 1 р. 30 коп. Никакой возни, а одна сплошная культура.

Или вот более мелкое дело — пение. Что теперь поет молодой человек? Не дает ему песен Музгиза. Хоть справку из домоуправления пой. Оперу не споешь. Оркестр за собой таскать надо. И вот ходит молодой человек и мурлычет такое, что лучше не прислушиваться.

А раньше. Возьмите раскройте московское «Русское слово» за январь 1910 г. Готовое пенье на последней странице — и с нотами и со словами. И слова глубокие, возвышенные и незабываемые:

«Сельди Маркова все обожают —
От графинь до служанок простых,
Днем и ночью о том лишь мечтают,
Скорее, чтоб попробовать их».

ЭТО ВСЕ ОБОЖАЮТ
Tempo di Marcia.

Сельди-Марковѣсь о-бо-жа-ютъ
Отъ гра-финь до слу-жанокъ-простыхъ
Днемъ и ночью о-то-му-мечтаютъ
Ско-рее — чтобы попробовать ихъ

ГАСТРОНОМИЯ
Т/д. В. А. МАРКОВЪ СЪ С-ми.
Масла, ут. Ост. р. и Тел. 12. Тел. 53-15.
Монитор: Иосифовская ул. Тел. 28-50.

СЕЛЬДИ.
Прейсы
Курить
Безплатно.

ЗАКУСКА.
Сыр, масло,
консервы,
колбасы.

Может быть, для концертного выступления это и слишком коротко, но для личного

потребления вполне хватало тогдашнему молодому человеку. Частью мотива можно было даже поделиться с товарищами, — пусть и они попоют за бутылкой пива.

Но пенье, конечно, мелочь. Люди и без пенья живут.

А вот как, например, разбогатеть? У нас на этот счет никаких руководств. Даже заочных курсов по радио нет.

Другое дело — раньше. Желаете стать миллионером? Пожалуйста. Раскройте газету «Московский листок» за 1892 год, и перед вами готовый рецепт:

ПУБЛИКУЙТЕ

въ газетахъ и журналахъ и др. всевозможными способами
ЧЕРЕЗЪ КОНТОРУ ОБЪЯВЛЕНІЙ

Николая Петровича ГОЛЬДИНА,
МОСКВА, Тверская, 36. — Телефонъ 48-18.

ЭТО ПРИНЕСЕТЪ ВАМЪ СЧАСТЬЕ.

Всѣ кліенты этой конторы, существующей уже 20 лѣтъ,
РАЗБОГАТѢЛИ, а многие даже

СТАЛИ МИЛЛИОНЕРАМИ.

(Омнѣвляющимся можно представить доказательства.)

Не хотите таким способом разбогатеть? Не надо.

Если вы действительно культурный человек и желаете накопить состояние честным трудом и личной инициативой, — пожалуйста. Есть и другие способы. Вот, например, как сливки московского общества робкой стопой подходили к капитальцу на будущее:

Богатая клиентура.

Одинъ изъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ подалъ градоначальнику просьбу о разрѣшеніи „Дома свиданій“. Просьба градоначальникомъ препровождена въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ

Допустим, что вы бессеребренник. Не хотите вы стать миллионером при помощи «Дома свиданий». Вас, наоборот, к стихам тянет. Сейчас — это сплошная мука. Пиши на триста строк и чтобы в каждой строке по одной букве. А некоторые нахальные редакторы даже содержание в стихах требуют. Только в отдельных сборниках без содержания можно. Среди супер-обложек и золотых тиснений все проходит.

А раньше — благодать. Вот, например, какие стихи помещал известный московский адвокат Плевако в журналах («Искра», 1894 г.).

Вышелъ я со сна
Прогуляться въ лѣсъ,
Глядь—стоитъ сосна,
На нее я влѣзь.
Былъ со мною эль,—
Выпилъ я его,
Перелѣзь на ель...
Больше ничего.

И успех в обществе обеспечен. Через такие стишки многие даже невесту с каменным домом получали...

А теперь за такие стихи даже в «Литературной газете» с Лермонтовым не сравнят. Это уже, не говоря о невесте и о доме.

И. КАРП-ЗЕРКАЛЬНЫЙ

МОСКОВСКОЕ

(Посвящается Тресту зеленого строительства)

Поэт грустил

и ночь и день.

Не вывелись еще
такие типы!

Поэту захотелось
под сень

Пятидесятилетней —

не меньше! — липы...

Пойти в парк

поэту лень,

Чтоб осуществить
желанье это.

Он слабнет. Ну, прямо,
пиши бюллетень:

Упадок сил

все сильней у поэта!

Он мыслит,

над бездною будто скользя:

Недаром я нервно

усы пощипываю.

Без липы поэту

работать нельзя,

Но где же ее взять-то,

сень липовую?

Поэта напрасно

грызут сомнения,

И тщетно мнет он

бумаг кипу:

Позвони

в трест озеленения —

И тебе на грузовике

привезут липу!

ВОРОБЕЙ-РАЗБОЙНИК

МОСКОВСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Хороша Маша, да не у самовара.

Свои люди не подметут, — споткнемся.

У каждой тумбы — своя румба.

Джаз да джаз, но не каждый же час!

Снявши голову, за бритые не платят.

Не у всякой заслуженной — голос
простуженный.

Лиха беда — за 15 рублей сковорода.

Семь бед — один холодный обед.

Не свою Саню не сади в авто.

майтесь мимо контролера, который примет вас за оркестранта. А миновав 5-6 пролетов лестницы, заходите в раздевалку для оркестра. Оставьте здесь пальто, тарелку, бумагу и косоворотку, а сами проходите в зал мимо правой литерной ложи. Все.

СПОСОБ № 8 — ДЛЯ МЮЗИК-ХОЛЛА

Мюзик-холл есть единственный в Москве театр, который благодаря усилиям специально приглашенных новаторов в эстрадном искусстве сумел добиться отсутствия аншлагов. Контрамарочников поэтому туда водят, так сказать, в качестве искусственного питания.

Учитывая это, мы рекомендуем отправляться в Мюзик-холл компанией не менее, чем в 10 человек. Один из этой десятки, наиболее внушительный по виду, должен в вестибюле снять верхнее платье и раздать его товарищам: одному калошу, другому другую, третьему кепку, четвертому куртку (лучше куртка, чем пальто). Все эти вещи прячутся.

Затем раздевшийся проходит мимо контролера (раз он без пальто, значит, он был в театре), а пройдя, величественно говорит контролерше:

— Это со мною. Девять человек. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять... Стоп!

Для убедительности можно взять в руки клочок бумаги, который и надорвать самому на глазах контролерши как якобы пропуск.

СПОСОБ № 9 — ДЛЯ ЦИРКА

Захватите с собою небольшое домашнее животное — собачку, белую крысу, кошку, канарейку. Непременно повяжите животному шею бантом из шелковой ленты. С таким животным на руках подходите к контролеру и говорите ему:

— Это не ваша?.. Иду, понимаете ли, мимо цирка, вдруг вижу эта шельма бежит (прыгает, порхает) по улице... Ну, думаю, не иначе, как дуровская тварь... Кис-кис... (цып-цып,

фью-фью, чмок-чмок), — говорю, — пойдя сюда, дурашка... Как тут пройти к Дурову?

Получив справку, как пройти к Дурову, заходите за угол фойе, снимите с «дуровской твари» ленту и, сообщив ей первоначальную скорость при помощи пинка, идите в зал.

ИВАН ДИТЯ

РАЗЛИЧНЫЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ И УЧРЕЖДЕНИЯ

Памятуя о том, что прежние путеводители по Москве, обслуживавшие местных жителей и приезжих, включали в себя массу полезных сведений по всем отраслям жизни, ниже мы помещаем все эти сведения с известными исправлениями, соответственно новым данным.

ТЕЛЕФОНЫ

Московские телефоны разделяются на два вида: простые и автоматические. Простые — это те, которые не соединяются при помощи телефонистки, а автоматические — не соединяются сами. Зато последние имеют в своем распоряжении частые и короткие гудки, успокаивающие музыкальное ухо абонента.

Правила пользования телефонами не сложны и легко запоминаются. Для вызова кого-либо по простому телефону вы снимаете трубку и ждете ответа со станции. В процессе ожидания абонентам не рекомендуется дуть в трубку и хлопать

дрожащей рукой по рычагу. Поэтому каждый может заполнить эти свободные полчаса другими физкультурными упражнениями.

Наконец станция откликается, и начинается неперево-димая игра слов.

- 5-53-48, — говорите вы.
- 3-85-53, — говорит телефонистка.
- Нет, 5-53-48, — настаиваете вы.
- Я и говорю 8-43-55, — успокаивает вас телефонистка.

В результате известных математических комбинаций с названными цифровыми данными вы получаете номер 2-73-84, откуда вам отвечают, что никакой Веры Павловны здесь нет, а есть монтер Пигасов, который ушел покупать трусики к новому году.

Соединения по автоматическому телефону получаются при помощи вращающегося диска и одного из незанятых пальцев. Набрал желаемую цифру, вы убеждаетесь, что аппарат не действует со вчерашнего дня, идете к соседям и там по простому телефону звоните в бюро ремонта, чтобы вам починили ваш аппарат. Так как бюро ремонта всегда занято, лучше туда не звонить, а терпеливо дожидаться ночи, когда ваш аппарат заработает, действительно, автоматически и незнакомый голос обрушится на вас с укором, почему вы не доставили с утра бочки с цементом на фабрику-кухню № 7. Не пытайтесь оправдываться, так как телефон все равно перестал действовать на десятом слове и очнется только к девяти утра, когда вам придется извиняться за то, что это частная квартира, а не извозопромышленное заведение и у вас нет лишних подвод.

Имеются также особые телефоны-автоматы в специальных будках, работающие при помощи проволоки, электромагнита и гривенника. Электромагнит обычно не действует, а гривенник дает вам возможность провести приятные 15—20 минут в уютной и теплой будке, полной молчания. Затем вы опускаете еще гривенник и уходите, пораженный загадочностью техники. Снести с задуманным вам абонентом можно и при помощи простой открытки.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Благотворительных учреждений, в прежнем смысле этого слова, в Москве уже нет. Нет ни странноприемного дома Параскевы-Пятницы, ни Общества архангела Исидора, ни организации св. Фомы и Еремы. Функции Параскевы и Исидора и Еремы перешли к другим благотворительным учреждениям, как, например, Союзкино или московский Мюзик-холл.

Нуждающийся приходит в Союзкино и подает заявку на переделку Остромирова евангелия в короткометражную мультипликацию.

Его заявка немедленно рассматривается, намеченный для постановки режиссер получает командировку в Батум для изучения звучания морских водорослей, а нуждающийся получает 11.082 руб. в виде аванса и чувствует себя на некоторое время удовлетворенным.

Еще легче получение пособия в Мюзик-холле, где оно безоговорочно выдается как за проект смонтирования аттракционов в «Войну и мир», так и за произнесенное громким голосом обещание написать джаз-ревю на тему о тяжелой промышленности и использовании отходов трикотажной промышленности.

НОЧЛЕЖНЫЕ ДОМА

Специальных ночлежных домов в Москве нет, но есть ряд общественных учреждений, где нуждающемуся гарантирован здоровый, нормальный сон в уютном, хорошо отапливаемом помещении. Из последних горячо рекомендуем театр Сиимонова во время представления «Вишневого сада».

СПРАВОЧНОЕ БЮРО

Москва очень богата справочными бюро. Допустим, вы потеряли свою записную книжку и вам срочно надо узнать точный адрес вашего друга.

Подходите к окошку.
— Разрешите получить справку.
— Сколько угодно! — отвечает справочная девушка.
Вы платите 50 коп. Справочная девушка начинает заполнять анкету.

- Вам что нужно, адрес?
- Да, да... Видите ли, я потерял записную...
- Фамилия?
- Чья, моя?
- Фамилия человека, которого ищете.
- Капранский.
- Имя, отчество?
- Евсей.
- Отчество?
- Не знаю.
- Как так не знаете?..

— Так! Не знаю! Знаю, что зовут Севой. Он мой товарищ.
 — Это меня не касается. Год рождения?
 — Я родился в 1908 году.
 — Не про вас спрашивают, а про него.
 — Откуда же я это могу знать?..
 — Ну, приблизительно.
 — Ему приблизительно около тридцати.
 — Чем занимается?
 — Кажется, заведует каким-то складом... точно не скажу.
 — Приблизительно?
 — Я уж сказал, заведует.
 — Женат?
 — Да!
 — На ком?
 — На женщине.
 — А точно?
 — На женщине, честное слово, на женщине!

— Нет, это все приблизительно. В каком районе живет?
 — Позвольте, я же не знаю... я потерял записную книжку.
 — Приблизительно?
 — Приблизительно где-то в Москве, не в Ленинграде же.
 — Точнее, на какой улице?
 — Да ведь не знаю же я.
 — А номер дома помните?
 — Нет!
 — А номер квартиры?
 — Тоже нет!
 — Странно. А отчества так и не припомнили?
 — Я же сказал, что не знаю.
 — А приблизительно?
 — Да не знаю же я.
 — Что ж вы, гражданин, лезете за справками, а сами ничего не знаете. Отчества не знаете. Улицы не знаете. Дома номера не знаете. А еще хотите адрес получить.

ГЕНРИХ ПАЙНЕ

Итак вы нашли

Нас уже не раз запрашивали в вежливой форме иногородние читатели: как, прибыв в Москву, найти редакцию Крокодила.

Даем краткие и исчерпывающие сведения. Приехав с утренним поездом в Москву, вы берете ваши вещи, если они у вас есть, нанимаете носильщика, если его найдете, сдаете вещи в камеру хранения, если она уже открыта, и нанимаете такси, если оно случайно подвернется.

В случае какой-либо неудачи вы просто садитесь в трамвай, если сможете пробыть, вместе со своими чемоданами, если с ними пустят.

Итак, вы идете пешком, бодро помахивая багажом и эмалированным чайником. Если вы знаете дорогу в редакцию, вы незастойливо и неторопливо переходите людную улицу под ласковый свисток милиционеров и платите штраф. Если вы не знаете адреса, вы организованно подходите к справочному киоску МКХ и вежливо спрашиваете:

— Как пройти на улицу Горького, 48.
 — Одиннадцать тридцать. Скорый, — меланхолически отвечает вам гражданка из киоска. — Следующий.
 — Виноват, мне нужно узнать...
 — Разрешения на пишущую машинку не требуется. На электроутюг тоже. Следующий.
 — Простите, но...
 — Несовершеннолетние не принимаются. Выпуск собак без намордника карается законом. Билетов на премьеру в МХАТ нет. Следующий.

Нагруженный этими ценными, но сейчас практически неприменимыми сведениями, вы заходите в ближайший магазин и спрашиваете:

— Как мне пройти на улицу Горького, 48.
 — Гетр мужских нет. Будут в июле, — монотонно бубнит на ваш вопрос работник прилавка заученную с утра фразу. — Настольных календарей на 1935 г. нет. Имеются пока доски к ним. Могу предложить дамские воротнички к мужским сорочкам, размер 62 сантиметра.

— Мне бы хотелось...
 — Валенки не имеем. Рекомендуем изящные шелковые трусики. Выдерживают любую стирку и заменяют на зимний сезон варежки для подагриков, направляемых в Магесту.

Отдохнув немного во время этого поучительного и приятного диалога, вы снова берете чемоданы и идете по улице. Через полчаса вы останавливаете какого-нибудь пешехода и робко спрашиваете его:

— А как мне пройти...

Если это новый, сегодняшний москвич, он быстро махнет рукой в неизвестном направлении и сразу нырнет куда-то под грузовой, чтобы вскопчить в автобус. Если это старый москвич, со всеми московскими навыками и обычаями, он объяснит вам обстоятельно и сочувственно:

— Пойдете сначала на Зацепу, с нее свернете на Прицепу,

потом прямо на Солянку, с Солянки на Землянку, загнете на Мытищенский, выгнете на Дудинцевский...

— Виноват, а где же улица Горького.
 — Улица Горького? Не знаю. Мы не здешние. Мы сорок второй год на Триумфальной площади живем.

Вот после этого вы смело можете подойти к милиционеру и спросить:

— А где здесь, товарищ, улица Горького, 48.
 — А вы по ней идете. А сорок восьмой — вот он.

Обрадованный, вы подходите к воротам дома № 48 и читаете золотые слова на эмалированной доске: «Редакция журнала Крокодил». После этого вы заходите в находящуюся этажем ниже контору и узнаете, что:

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ КРОКОДИЛ НА 1935 ГОД.

От вас не скрывают, что журнал будет выходить еженедельно, в 16 страниц большого формата с многокрасочными рисунками лучших советских художников-кариатуристов, рассказами и фельетонами лучших советских сатириков.

— Не мучайте меня, — взволнованно просите вы, — не утаивайте от меня условий подписки. Я никому вас не выдам.

— Наоборот, — ответят вам в конторе, — можете рассказывать кому угодно. Пусть знают все трудящиеся:

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ КРОКОДИЛ

на 1 мес. — 1 р. 20 к., || на 6 мес. — 7 р. 20 к.,
 на 3 мес. — 3 р. 60 к., || на 12 мес. — 14 р. 40 к.

Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, письмомоносами, сельписьмоносами, сборщиками подписки на предприятиях и в учреждениях и издательствами политотдельских газет на транспорте.

Вы подписываетесь и облегченно вздыхаете.

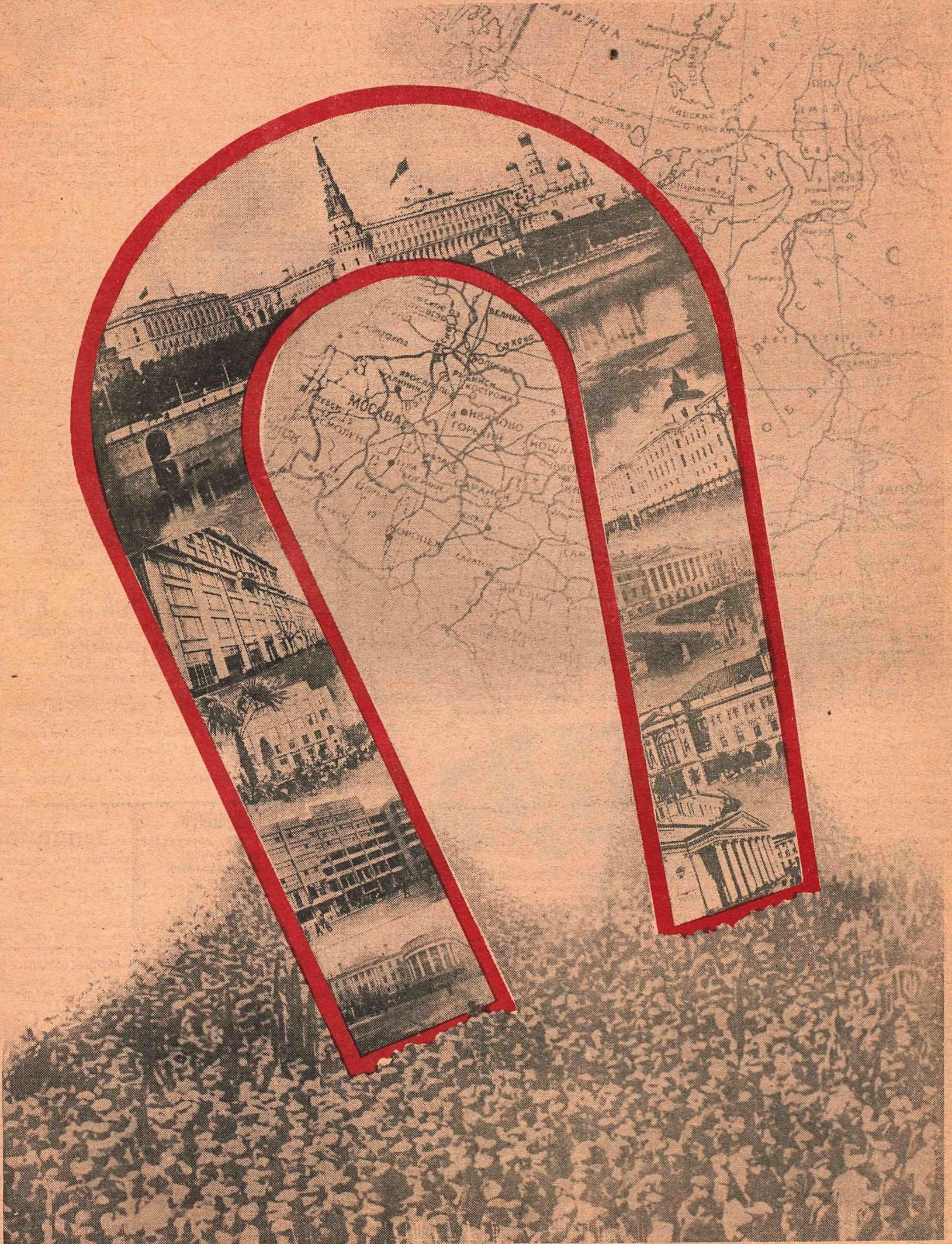
— Пусть, — говорите вы, — теплые гетры будут в июле и подагрики носят трусики вместо перчаток. Это очень плохо, но я теперь все это перенесу. Я выше этого. Я — подписчик Крокодила.

И гордо взвалив на плечи два чемодана, вы уходите величественной походкой, улыбаясь могучей и дерзкой улыбкой победителя.

И вы даже покупаете доску от настольного календаря и внимательно высчитываете по ней, когда вы получите первый номер Крокодила.

МОСКВА — МАГНИТ

Фотомонтаж Б. Клинка

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

24 ДЕКАБРЯ
1934 г.
№ 6232346

ЕЖЕДНЕВНАЯ ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА

ОБОВСЮДУ ОТОВСЕМ

◆ В Рио-де-Жанейро открыта читальня для комнатных собачек.

◆ В Альтоне кошки скоро получат специально для них устроенное кабаро.

◆ В Мельбурне второй год функционируют бани для канареек.

◆ В Цели один умерший бездетный раджа оставил наследство своей дрессированной кобре. Кобра наняла себе компаньонку и зафрахтовала яхту.

◆ Любимый верблюд Имама Фуджасского потребовал, чтобы его называли «сын пророка среди четвероногих». Тех, кто не подчиняется этому требованию, бьют палками на площади.

ХОРОШИЙ ПОЧИН

Восемь лет существовала столовая завода Туктук, и только на девятый год стараниями заведующего Алексея Ниловича Талдыкина столовая озеленена, и скатерти покрыли уютные столики.

— Н-да, трудновато было сперва с этими пальмами, — говорит Алексей Нилович, показывая нам столовую. — Посетители ругаются, что пыль от них, от пальм. Обслуживающий персонал сердится, что пальмы поставлены на самом ходу, — сколько из-за них посуды перебили... Теперь вот догадались сдвинуть озеленение в один угол, там оно никому не мешает...

И, действительно, если присмотреться, в углу за жемчужной завесой паутины можно разобрать что-то зеленое и желтое. Это, вероятно, родные сочинские пальмы скрывают рабочую столовую.

— То же вот и со скатертями, — продолжает Алексей Нилович. — Волынка с ними страшная. То ее, скатерть, пачкают. А то — глядишь — уж она сама начала обратно пачкаться... Мы уж и менять бросили...

И верно: со всех столиков элегантно складками свешиваются скатерти. Что из того, что сегодня все скатерти, как на подбор, грязные? И важно ли, что еще сегодня в супе попадаются щепки и пуговицы? Гораздо значительнее, что в столовой стремятся к уюту.

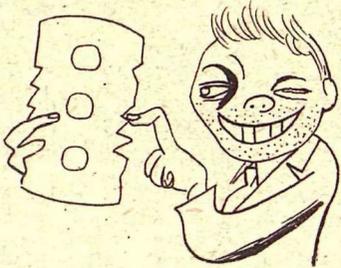
И посетители это понимают. Вон пожилой рабочий встал и, весело чертыхаясь, сует нам в нос блюдо с котлетой, из которой торчит гвоздь.

— Не сдохнешь вынуть, что лишнее, а остальное лопай, — ласково отвечает Алексей Нилович, и под добродушную ругань всех обедающих мы выходим из столовой.

Да! Хороший почин уже сделан.

Штатный оптимист при редакции газеты «Вечерний звон» С. Кукицкий.

Как уже отмечалось в в карикатурах «Вечернего звона» в №№ 1, 3, 8, 16, 23, 44, 56, 75, 89, 101, 114 и др. безопасные бритвы Мосштампа — тупые.

— Хи-хи... тупая...

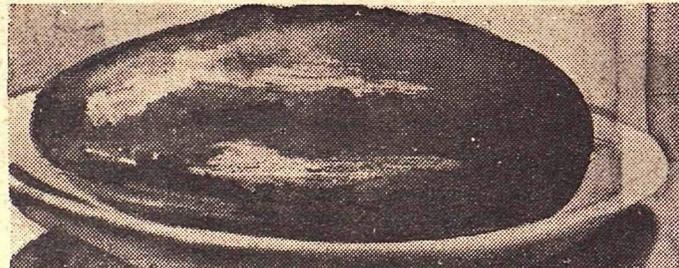
НОНЕШНИЙ ДЕНЕЧЕК

НАЛАЖЕНО

Кустбытпромметнет наладил выпуск десертных ложек. К концу года десертная ложка сама дойдет до каждого москвича.

НА ДОМУ

Вы опрокинули на свой костюм кастрюлю с супом или кофе «Здоровье»? Очень хорошо. Сейчас же позвоните по телефону Г-5-06-37, и к вам придет вновь организованная передвижная химическая чистка в составе кассира, оценщика, продавца, директора и двух химиков. Они привезут с собой небольшой чан на 100 — 200 литров химикалий, несколько колб и канцелярский шкаф. Расставив все это в коридоре, они быстро исправят вашу оплошность и придадут вашему костюму прежний заманчивый вид.

Соленый огурец — встарь любимая закуска москвичей, особенно под водку. На снимке: соленый огурец на столе у старого мастера К. П. Ехина (артель «Гоголь-моголь»).

СИЛА ИНСТИНКТА

У нас в зоопарке в прошлом году ожеребилась зебра «Маланья». Вскоре после родов она подохла от коклюша. Оставшуюся без матери молодую зебру мы подложили к самке-фокстерьеру, которая в это время кормила своих щенят. Зебреноч быстро прицепился на питание у собаки. Теперь наш выкормыш — уже большая зебра. К ней приставлен специальный служитель И. С. Карпухин, и зебра охотно берет у него из рук сахар, морковь и монеты не ниже десятикопеечного достоинства.

Недавно зебра перепрыгнула через загородку и поскакала по аллее, грозя затоптать посетителей парка.

Нерастерявшийся Карпухин бросился за ней и сразу же стал предупреждать посети-

СРЕДИ ИСКУССТВА

● Перпендикулярный театр в рассуждении, как бы ловчее освоить культурное наследство, надумал инсценировать «Гайавату». Эту работу взял на себя драматург П. Тихосун, который пополняет материалы «Гайаваты» «Калевалой», «Тилем Уленшпигелем», «Нибелунгами», «Словом о Полку Игореве», «Илиадой», «Мадур-Вазой» и фарсом «Радий в чужой постели». Получившаяся пьеса на читке уже получила одобрение актива московских глухонемых.

● Кинофабрики продолжают работу по привлечению писателей. За прошлую шестидневку привлечены следующие писатели: Ломоносов (сценарий) делает режиссер Шлагбаум), Раблз (либретто реж. Пуунш), Плавт (реж. Перепендовский) и Эдгар По (режиссер Ищенко).

● Радиоцентр в последнее время с ног сбил в поисках тематических программ. Но ему подвезло: придумана такая тематическая программа — «Карточная игра в музыку». Вступительное слово к программе на тему «Колода в 52 листа и простейшие шулерские вольты» скажет профессор Керосинке, в прошлом — член Купеческого клуба.

● Выставка советских художников ехала из Венеции в Осло, но по дороге она решила вернуться в Рейкьявик и Вальпарайзо.

● Госперезидат недопереиздал в прошлом году 8 книг, а текущий год отмечен тем, что перепереиздано 17 названий.

РАДИО ВЕЧЕРОМ

18.00 час. отрывки из граммоф. пластинок.

18.50 доклад: «Чего я жду от немецкой овчарки».

20.20 тематический концерт. Музыка в ледниковый период.

ОДА В ЧЕСТЬ ВОДОПРОВОДА

Вот

идет
водопровод,

А по нем

вода
течет...

Эту воду

пьет
народ.

Вот!

Юм. Рудерновский.

ТЕАТР ИМ. ФАЙКО И ЭВРИПИДА

Сегодня — замена «Кузькина мать» билеты, продан. на спектакль «Барбосы» недейств. деньги возвр. по месту покупки по предьяв. метрич. выписи, удостовер. образования и справки Месткома.

Завтра утром «Гусак» сине билеты недейств.; зеленые билеты действ. только с печатью, розов. билеты перенесены на 22-ое; вечером — «Охальник», билеты, проданные на «Спесь и бред», обменяны в кассе; не желающие получают стоимость в виде брызны из расчета 1½ кило за место в 5-ом ряду партера.

В магазины ширпотреба поступили новые джемперы такой красивой расцветки, что свободно может заляпать в глазах. На снимке: одна знакомая нашего фоторепортера с ужасом знакомится с расцветками джемперов на зимний сезон 1935 года.

ЦЕННЫЙ КОНЦЕРТ

Публика Большого зала консерватории очень тепло принимала 28 декабря редкую и дорогую гостью: знаменитую уругвайскую тромбонистку донну Хлопец Телега. Приезд к нам таких мировых виртуозов, действительно, очень отрядный факт, что умело подчеркнул в своих выступлениях перед концертом представитель ВОК тов. Неряхин и представитель Филармонии тов. Сингапурский.

Концертантка отличается на редкость сухим и неприятным тоном. Инструмент в ее руках просто рычит и повизгивает. Амбушюра у нее немаленькая. Пиано ей удается гораздо хуже, чем форте, которого в свою очередь просто нельзя слушать.

Побольше бы таких ценных гастролеров из-за рубежа!

Е. Чан.

КИНО „ГИГАНТ-КОЛИБРИ“

Лучшая фильма за последние 500—600 лет.

Звуковой хрипящий, кашляющий боевик.

По сюжету известной повести великого поэта А. С. Пушкина

КАПИТАНСКАЯ БОЧКА

в заглавной роли Бочки артистка АНФУСА ПАЮСНАЯ

Режиссер — А. Пуунш. Тематическая заявка, либретто и сценарий написаны самим поэтом А. С. Пушкиным совместно с А. Пууншем.

Осветитель — Вас. Сидоренко. Буфет на кинофабрике — Гузеев.

Канализация — П. Хрычиков.

По ходу действия Екатерина Вторая и Пугачев танцуют «румбу».

В фойе публику все время глушит джаз п/упр. А. Чшишмана.

1-ый ГОМЭЦИРК

Ежедневно 18 спектаклей по грандиозной цирковой программе.

- 4 — Христарради — 4.
- 3 — Купорос — 3.
- 2 — Аномалия — 2.
- 1 — Трюмо — 1.
- 0 — Ничего — 0.
- и др. №№.

ЧАЙНИК с длинным носиком морить клопов нужен госучреждению.

Звонить Ж-4-78-32, зам. пред. Правления.

НЕБОСКРЕБ ИЛИ ДВОРЕЦ КУПИМ СЕЙЧАС ЖЕ, ТОЛЬКО СКАЖИТЕ

Правление жакта № 708.

КОМН взюк хр мяу упр. тел. 3-75-09.

ОТРБР прод и пр. Валдаев 25 кв. 7.

БЕФ — утр прод. 75-06.

ИНЖЖ — рстдну цеце му ррр.

СКТР гав кос ма Кыскин пер. д. 7.

УЧФРЯ д. ур. ндм. и ус. 212-04.

МЕН — брр ввв ква це.

Ресторан

МИССИССИПИ

выпивка — закуска круглые сутки.

Кухня, как в то самое мирное время.

Танцы — прямо с утра.

Заграничный полтавский джаз под упр. маэстро Ничипорчука.

Толковый словарь к объявлениям

ИНЖЖ — инженер с женой.
БЕФ — белая фигармония.
БР — близлежащий район.
ВВЗ — возможны варианты застройки.

ВЗЮК — на условиях взаимного юридически оформленного контракта.

ГАВ — гигиеническая антисептическая вентиляция.

КСС — комната с садом.

МУ — масса удобств.

МЭ — много электрических приспособлений.

МЯУ — мягкий уют.

ОТРБР — отрез на брюки.

РРР — рекомендуется разные районы.

РСТДНУ — Ростов-на-Дону.

СКТР — служащему комнату требуется раз и навсегда.

УРР — удобства расположены рядом.

УМТР — умывальник и трюмо продаются.

УЧФРЯ — учительница французского языка.

ХР — хороший район.

ЦЕ — центр.

ЦЕЦЕ — целевая цена.

Текст В. АРДОВА

Рис. Л. Генча

— Опять незадача... Выбирал самую тихую улицу в столице, а попал на самую шумную — по дороге к кладбищу...

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

В английском городе Соутгемптоне на перекрестках улиц стоят щиты. На щитах—карта города и перечень всех улиц и площадей. Вы нажимаете кнопку у названия пункта, куда хотите попасть, и на карте загорается тоненькая электрическая жилка — кратчайший путь к этому месту.

В американском городе Нью-Йорке есть Пенсильванский вокзал. Вы подходите к огромной входной двери, держа в правой руке чемодан, а в левой портфель, и дверь сама открывается, пропуская вас в зал ожиданий. И не нужно пинать дверь ногой или, повернувшись спиной, толкать ее тем местом, что пониже экватора. Дверь эта—швейцар-автомат.

Об этих несомненных удобствах мы вспомнили на площадке пятого этажа дома № 8, по Садово-Каретной улице. Нам предстояло одолеть еще три этажа. И это было очень утомительно. А за окном стоял солнечный день. День был выходной. И Фрол Кузьмич — лифтер дома № 8 — как обычно в свободный день, уехал в Замоскворечье в гости, а лифт для порядка закрыл на ключ. Кроме того он закрыт ежедневно от 12 до 8, так как Фрол Кузьмич не двухлетний и работать больше 8 часов не обязан.

А сколько лифтов по Москве и вовсе не работает, отданные на с'едение ржавчине сонными домоправителями?

Но без лифта еще жить можно... А вот без стекол жить совсем трудно. Особенно зимой. Без стекол жизнь выглядит так.

В тихой, ничем не примечательной московской коммунальной квартире появился стекольщик. Дело в том, что на кухне, в коридоре и некоторых комнатах стекла были выбиты еще с весны, и на поиски стекольщика были брошены лучшие силы квартиры во главе с ответственным с'емщиком. Стекольщика нашли. На кухне собрались представители всех комнат для торжественной встречи.

Здоровый малый, в черном картузе и грязном переднике, держал себя с достоинством, как и подобает представителю этой дефицитной профессии. Для начала он потребовал шесть рублей на «половинчку». Ответственный с'емщик безропотно вручил ему две трешки. Стекольщик исчез на 10 минут, затем появился и потребовал стаканчик. Принесли стаканчик. Еще принесли тарелочку с хлебом и соленый огурчик. Все принесли. Ибо стекольщик был один, а стекол нехватало множество, и на дворе уже падал снег. Потом он предлагал всем по очереди выпить с ним рюмочку, и все смущенно отнекивались, ссылаясь на, якобы, большую печень и на доктора, который запретил категорически. Только ответственный с'емщик, помня, что за разбитыми стеклами — снег, выпил рюмочку и даже похлопал стекольщика по плечу.

Осушив половинчку, стекольщик осмотрел оконные рамы и заломил такую цифирь, что квартиранты лишились дара речи и выбегали из кухни в полубоморочном состоянии. Потом присутствующие разбились на две неравные группы: стекольщик сидел на табурете в кухне (две лучшие домработницы беседовали с ним на отвлеченные темы — не ушел бы), а жильцы, сгрудившись кучкой в коридоре, шопотом совещались на тему: как быть. Победила точка зрения ответственного с'емщика. Жильцы со стоном разбежались по комнатам и через минуту уже несли в руках банковские билеты десятирублевого достоинства.

Ночь они провели тревожно, и только ответственному с'емщику снились детские радостные сны, будто существует такое бюро, которое обслуживает дома и квартиры. И если вылетели стекла, испортился кран, сломался дверной замок, или засорилась раковина, стоит только позвонить по телефону, и приходят по вы-

Окончание на 28 стр.

зову монтеры, водопроводчики и прочие ювелиры коммунального хозяйства и делают по твердой цене жизнь удобной и радостной.

Существует такая пренебрежительная формула:

— Подумаешь, важность какая... Мелочи жизни!

А ведь эти мелочи незримо и неслышно вторгаются в работу, отдых и быт. Нетрудно купить в мебельном магазине шкаф, коврик в Мосторге или десяток книг в Могизе. Купить—нетрудно, а вот доставить домой—это уже проблема, ребус, фантастика. Есть только одна вещь, которую можно покупать спокойно, — цветы. Тут все твердо уяснили себе, что человеку, купившему цветы, они нужны дозарезу и нести их самому неудобно. Дело несуетное. Поэтому доставка букетиков гвоздик и корзины с хризантемами поставлена на высоту. За 2—3 рубля, в зависимости от расстояния, цветы к точно назначенному времени будут доставлены на вечеринку по случаю безвременной женитьбы друга. А вот шкаф, детская кроватка, кафельная печка или полное собрание сочинений Жарова—предметы остро необходимые в быту. — почему-то не доставляются. Даже мебельные магазины, которые обещают «доставку на дом», сводят покупателя с представителями частного грузового транспорта, подстерегающими очередную жертву тут же, во дворе.

А мелкие посылки—письма, пакеты, чемоданы? Почему бы для доставки их по адресам не восстановить институт посыльных. Были такие дяди-скороходы. Стояли на перекрестках улиц, а получив задание, разносили пакеты, свертки и даже деньги (честное слово, носили деньги) по любому адресу.

Так вот еще к вопросу о мелочах жизни. После шумного дня наступает тихий вечер, а ему на смену приходит ночь. Когда стрелки часов, повисших, как оперная луна на Пушкинской площади, показывают половину второго, наступает роковая минута: притухают уличные огни, трамваи мчатся по чужим маршрутам в свои депо, и выезжают на ночную охоту хищники-извозчики, чтобы развонять за баснословные гонорары влюбленных и пьяных по домам. А как же быть с невлюбленными и трезвыми, которым

так хочется попасть домой, пусть не на извозчике—на трамвае, пусть не за 30 рублей—за гривенник? А трамвая нет и не будет до 6 утра. А хорошо бы какой-нибудь дежурный трамвай, пусть не часто—раз в полчаса. Гражданам—хорошо. Извозчикам—худо. Но ведь граждан-то, по совести говоря, больше.

Телеграмма-молния из Ленинграда в Москву идет 30 минут, а по Москве путешествует несколько часов, пока письмоносец доставит ее адресату. Мелочь? А что если бы телеграммоносец посадить на мотоцикл?..

Администрация вокзалов утверждает, что багаж доставляется домой, но пассажиры, попавшие на эту удочку, получают его с проклятием на пятые сутки. Неприятная мелочь..

Вызвать такси.. Нет, не будем расстраивать москвичей!.. Конечно история с Пенсильванским вокзалом должна быть в корне осуждена общественностью. Подумаешь,—прихоть какая. До чего обленелись финансовые короли, трудно уж им дверь ногой толкнуть. Но все перечисленное выше и многое, не перечисленное?.. Неужто Москва и иные города не могут себе позволить такой «роскоши»?

Чтобы жизнь была не только хорошей и радостной, но и удобной.

Чтобы «мелочи жизни» окрашивали эту самую жизнь в самые приятные оптимистические тона.

Б. КОВАЛЬ

МОСКОВСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Москва назад не пятится: там небоскреб, где была Параскева-Пятница.

Нам жить в Москве всего милее: сегодня — тупик, завтра — аллея.

ИЗ ПРОШЛОГО МОСКОВСКОЙ ПЕЧАТИ

КАРТИНКА БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО

Рис. М. Храпковского

ОПЫТ ХАРАКТЕРИСТИКИ

На столбцах газеты «Московский листок» в конце девяностых годов прошлого столетия были напечатаны дословно следующие строки:

«Вы, Николай Львович Казецкий, присяжный поверенный Московского судебного округа, редактор-издатель газеты «Русский листок», — мерзавец и подлец.

С подлинным верно: сотрудник газеты «Московский листок» Николай Рокшанин».

На этом кончилась характеристика одного представителя бульварной печати другим. Ни ответа ни возражения не последовало.

КРАТКАЯ СПРАВКА

В Московской газете «Новости дня» в 1906 г. появилось такое сообщение по адресу ее же редактора-издателя:

«Денег сотрудникам в срок не платят. Норовят получить статейку нашармака. В приглашении сотрудников не разбирается: кто подневле, поговорицей, тот и подходящий. Не газета, а проходной двор».

Такая аттестация появилась нежданно-негаданно для редактора-издателя, тиснутая заведующим редакцией, поссорившимся со своим шефом.

Бойцы вспоминали минувшие дни
И битвы, где вместе сражались они...

ЗАКАНЧИВАЮТСЯ ПЕЧАТАНИЕМ И НА ДНЯХ
ПОСТУПАЮТ В ПРОДАЖУ ПЕРВЫЕ
ВЫПУСКИ

САТИРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ „КРОКОДИЛА“

БОРИС ЛЕВИН — „Он говорит, как пишет“.

Иллюстр. худ. В. Козлинского
И. ИЛЬФ и Е. ПЕТРОВ — „Чудесные гости“.

Иллюстр. худ. К. Ротова
АРК. БУХОВ — „Развязанные узелки“.

Иллюстр. худ. Ю. Ганфа

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ
В ПРОДАЖУ САТИРИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ „КРОКОДИЛА“

ПАРАД БЕССМЕРТНЫХ

В альманахе:

МИХ. КОЛЬЦОВ — „Кто смеется последним“.

АРК. БУХОВ, В. КАТАЕВ и Л. НИКУЛИН — „Литфак на дому“.

Рассказы и фельетоны:

В. АРДОВА, Е. ЗОЗУЛИ, Г. РЫКЛИНА.

Пародии и эпиграммы:

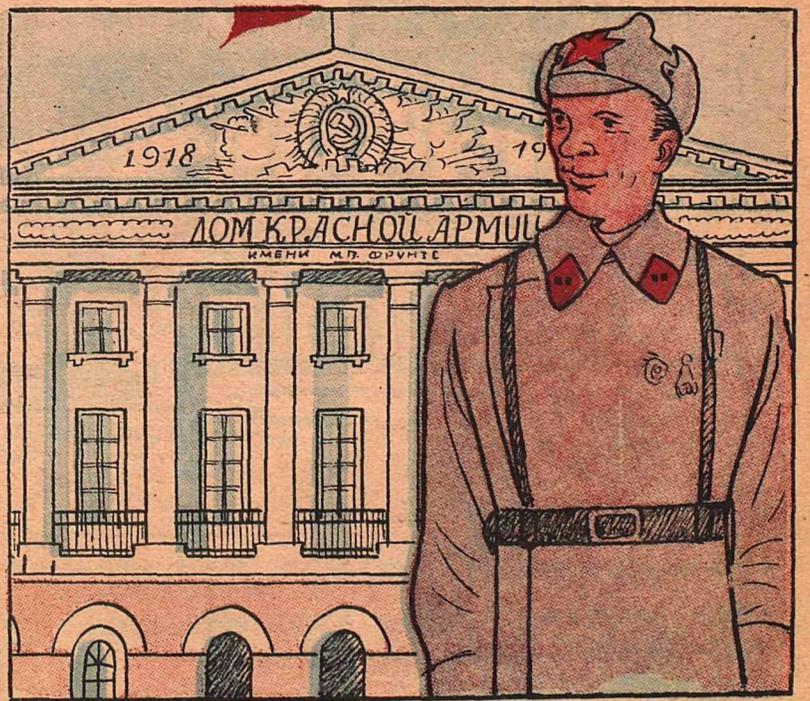
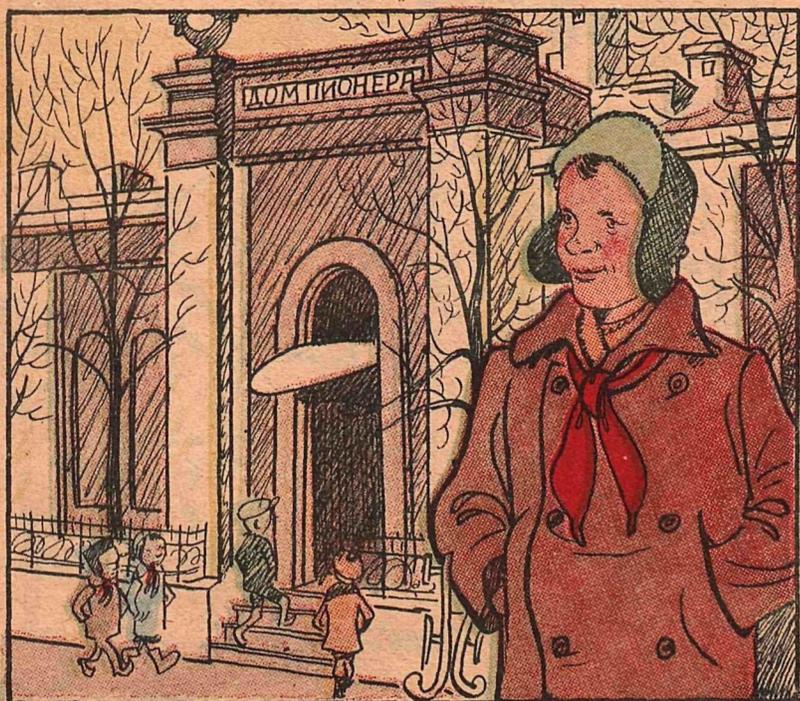
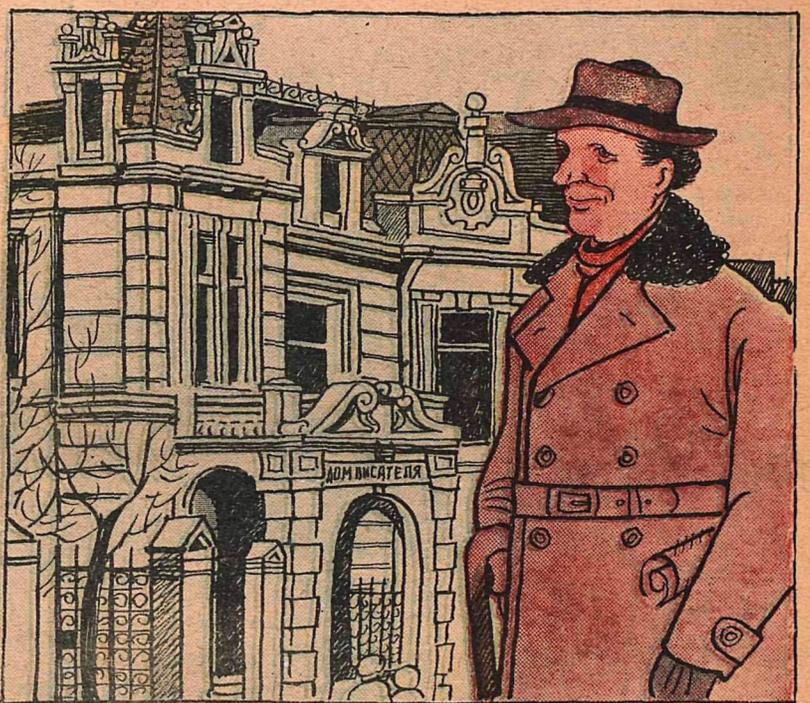
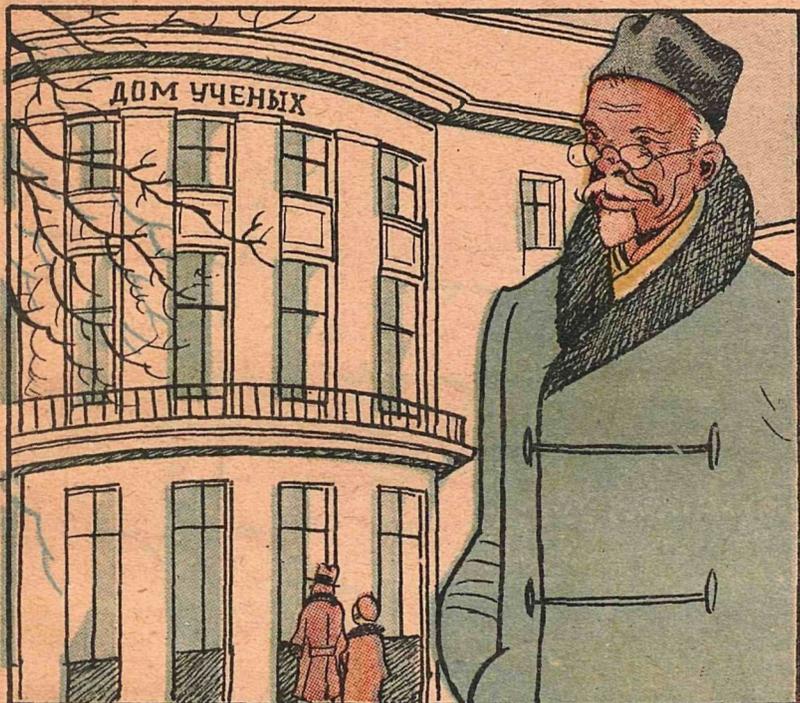
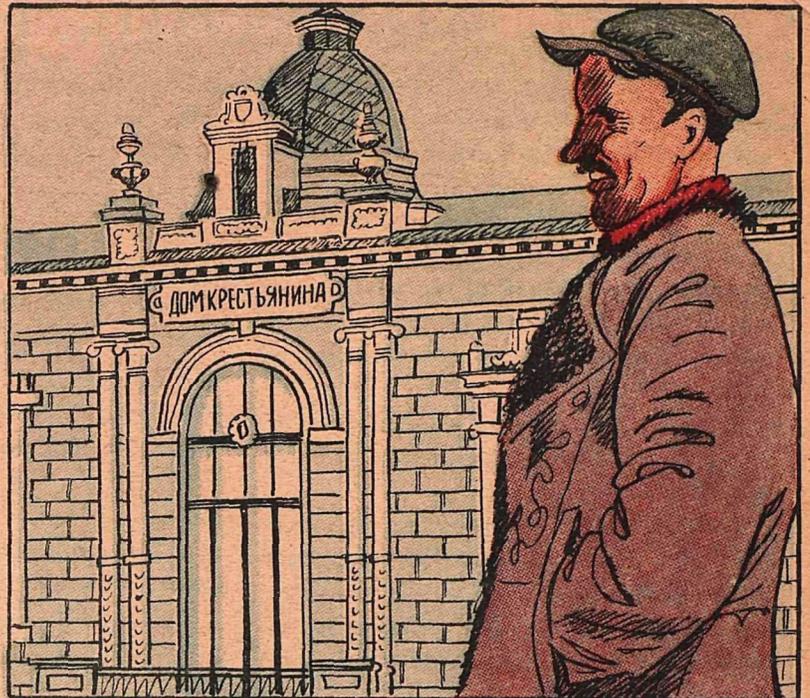
А. АРХАНГЕЛЬСКОГО и М. ПУСТЫНИНА.

Шаржи, карикатуры и иллюстрации:

художников Б. АНТОНОВСКОГО, Л. БРОДАТЫ, Ю. ГАНФА, БОР. ЕФИМОВА, КУКРЫНИКСЫ, Л. СОЙФЕРТИСА, М. ХРАПКОВСКОГО, М. ЧЕРЕМНЫХ.

ТИПЫ НОВЫХ МОСКОВСКИХ ДОМОВЛАДЕЛЬЦЕВ

Рис. Ю. Ганфа

ХОЖДЕНИЕ ПО ПРАЧЕЧНЫМ

Вполне возможно, что многим из москвичей выпала горькая доля отдавать свое белье в стирку в Краснопресненскую механическую прачечную. Питая к этим товарищам исключительную симпатию, я хочу в порядке обмена опытом предупредить их от многих подводных камней, таящихся на пути сдачи белья в этот санитарно-гигиенический гигант.

Увы, не нашлось во-время человека, который сказал бы мне то, что я вам сейчас хочу сообщить.

Если хотите, чтобы у вас приняли белье, ни в коем случае не возмущайтесь вслух по поводу беспорядков в этой прачечной. Это грозит вам крупными неприятностями. Но совершенно безнадеж-

но будет ваше положение, если вы потребуете жалобную книгу.

Я потребовал ее, написал жалобу и был публично изгнан за это из прачечной.

— Я вас лишаю права сдачи белья, — сообщил мне заведующий производством Матвеев и приказал приемщику не принимать у меня белья. Директор прачечной Гуськов, к которому я обратился с жалобой на действие Матвеева, «объяснил» мне, что меня лишили права сдачи белья за то, что я пришел тогда, когда прачечная была уже закрыта. Между тем, белье приняли у граждан, стоявших далеко за мной в очереди.

Правда, Гуськов предложил компромисс: «Перечеркни жалобу, и мы примем

твое белье». Но так как я на это не пошел, то грозное решение администрации прачечной осталось в силе, и я вынужден был вернуться домой с узлом грязного белья.

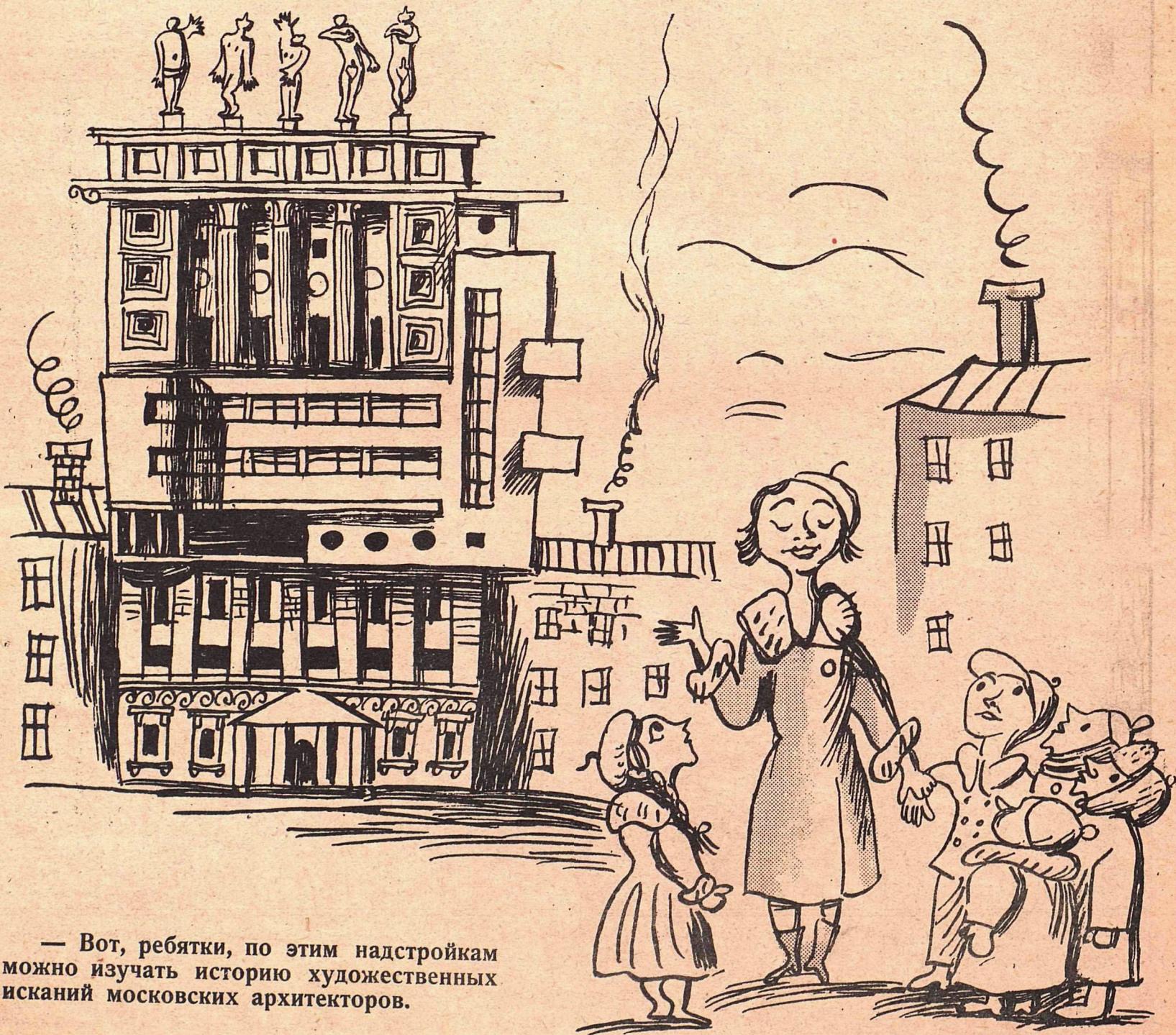
Мой совет клиентам Краснопресненской механической прачечной — по возможности не пользоваться жалобной книгой, а обращаться непосредственно к районному прокурору. Если же очень не терпится, то пусть требуют жалобную книгу уже после того, как белье принято в стирку.

Братский привет всем моим соратникам по трудному делу сдачи белья в стирку.

Студент ШАПИРО.

НАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ

Рис. Б. Малаховского

— Вот, ребятки, по этим надстройкам можно изучать историю художественных исканий московских архитекторов.

В ТОЙ САМОЙ БЕЛОКАМЕННОЙ

Помещаем несколько отрывков из дневника самого старого журналиста в Москве — В. Гиляровского. Рекомендуем их вниманию любителей красивой старины и широкой московской природы.

СЛЕДЫ СОБАЧЬИХ ЛАП

...Вспоминаются первые мои дни в Москве. Это было в 1876 году.

Я, тогда актер, служил в Артистическом кружке и четыре раза в день должен был обигать площадь мимо Большого и Малого театров, потому что через площадь ходить было возбранено.

Удивительная была площадь. Около самого по-тогдашнему бойкого места Москвы — между Охотным рядом и Лубянской площадью — лежал неведомо какими силами перенесенный сюда кусок поляной тундры с ее целинным девственным снегом, а на нем только кое-где петлялись следы собачьих лап. Здесь собаки безвозбранно правили свои свадьбы, а на картины этих празднеств смотрели в окна гости богатого трактира Тестова, славившегося молочными поросятами. Кушать поросят, кроме московских знатных людей, приезжали и «высочайшие особы», вводя в трепет трех городских, на обязанности которых было никого не пускать на площадь, огороженную толстенным канатом.

Даже детям запрещалось переступать канат. Публике разрешалось ходить вдоль каната со всех четырех сторон рядом с ним по тротуару.

„МОЕМУ НДРАВУ НЕ ПРЕПЯТСТВУЙ!“

На углу Кузнецкого переулка и Петровки, где теперь хорошей дом, стоял в 80-х годах прошлого века одноэтажный, с антресолями, старый деревянный дом, в котором помещался известный трактир «Щербак»; специально актерский.

Артисты всех театров, все знаменитости были его постоянными посетителями, а великим постом его битком набивали актеры, приезжавшие в Москву заключать контракты на будущие сезоны. Держал полвека этот трактир С. С. Щербаков, друг всех театральных знаменитостей; ему покровительствовал и помогал домовладелец Хомяков — сам театрал.

Неожиданно Хомяков умер. Молодой наследник сразу выгнал С. С. Щербакова, мало платившего, и принялся за стройку нового дома. Старый дом наполовину загораживал переулок, так что подъезд стоял почти посередине мостовой. Поданный план по размеру старой площади дома был не утвержден: отрезали кусок для расширения устья переулка. Возмущился молодой домовладелец. Ему предложили уступить городу за деньги этот кусочек, он отказался наотрез.

— Моя священная собственность, и никогда ее не отдам!

И приказал этот клочок на полулицы обнести железной решеткой. Подал город в суд просьбу об отчуждении участка, но суд признал права, и в одну ночь всю площадку молодой Хомяков засадил каким-то кустарником. Посадки принялись. «Хомяковская роща» зашумела и по переулку и по газетам. Вызывал Хомякова обер-полицмейстер, грозил высылкой, но «священная собственность» победила, и роща шумела, зеленела весной, а осенью усыпала булыжники переулка желтыми листьями, пока все-таки какой-то любовной сделкой не убедили «владельца» рощи уступить ее за большую сумму городу.

СТАРО-МОСКОВСКИЕ ПРОФЕССИИ

...На окраинах существовал особый промысел. В дождливую погоду, особенно осенью, немощеный переулок представлял собой вязкое болото, покрытое лужами, — одни глубокие, другие помельче, и надо было проезжающим уметь лавировать, зная фарватер улицы.

Мальчишки всегда дежурили на улице. Это — лощманы. Когда ехал случайно попавший сюда богатый экипаж, — тут ему и беда!..

Однажды свадебная карета, этот стеклянный фонарь, где разодетые в пух и прах невеста с женихом, чтобы быть у всех на виду, делали визиты, направилась в один из таких переулков в Халиловке.

Эта местность особенно славилась предприимчивостью своих обитателей. Молодые в свадебной карете ехали к жившему в этом переулке в своем доме богатому и скупому родственнику. Глаза у хапиловцев разгорелись на добычу.

— Коим тут местом проехать, ребята?

— А вот сюда, полевей! Еще полевей!

Навели на скрытую водой глубокую рытвину: лошади сразу по брюхо, — а карета набок. Народ уже сбегался, началась торговля, и молодые заплатили полсотни рублей за выгрузку кареты и по десять рублей, чтобы перенесли их на руках в дом дяди.

Дело было сделано.

ВЛАД. ГИЛЯРОВСКИЙ

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(Письма читателей)

Дорогой Крокодил!

Спешу сообщить тебе неприятную новость: жена товарища Галкина Степана Петровича приказала долго жить. Ну, конечно, сейчас же гроб перенесли в партийный кабинет, оркестр играл «Интернационал». Читальню и радиоаудиторию на несколько дней закрыли. Хоронили и справляли гражданскую панихиду с пышным угощением на полсотни человек опять-таки, ясное дело, за счет райкома.

Ты, дорогой Крокодил, не думай, что похороны были не по заслугам умершей. Очень даже заслуженная была покойница. Даром, что беспартийная была: нигде не работала, в профсоюзе не состояла и никакой общественной работы не вела. Она состояла супругой товарища Галкина Степана Петровича, а тот нашему заместителю секретаря райкома товарищу Шаропову первый друг. Так что в общем — все в порядке.

И. ДИМИН.

Александровско-Невское, Новодеревенского района, Московской области.

Дорогой Крокодил!

Много я на своем веку перевидел людей — и низеньких, и среднего роста, и высоких, но человека, способного охватить руками пространство в шесть метров, не встречал.

По моим расчетам такой человек должен быть ростом метров в семь-восемь, то-есть в средний двухэтажный дом. Бьюсь об заклад, что и ты, дорогой Крокодил, человека такого роста не встречал.

А вот писатель Плавильщиков из журнала «Мурзилка» таких длинноруких людей встречал. В своем очерке «О самых высоких и самых толстых деревьях» (№ 8 за 1934 г.) он с восхищением рассказывает юным читателям, что:

«Есть один каштан, у которого ствол в поперечнике 20 метров. Если такого толстяка спилить, то на его пне уместится толпа людей. А руками его могут обхватить не меньше десяти человек».

Теперь нам остается проделать очень простой расчет. Раз в поперечнике, то-есть в

диаметре, 20 метров, то в окружности ствол будет иметь свыше 60 метров, и на каждого из десяти человек, обхватывающих этот толстеннейший ствол, приходится ни мало ни много шесть метров.

В чудеса мы не верим. Приходится поэтому прибегнуть к более или менее правдоподобным догадкам. Если исходить из несколько обидной для г. Плавильщикова, но вполне возможной предположки, что он легкомысленно и неумело обращается с геометрическими терминами, то двухэтажные гиганты без боя уступят свои позиции гражданам нормального роста. Для этого стоит только вместо слова «поперечник» воспользоваться другим вполне законным геометрическим термином «окружность». Тогда все будет в порядке. Все за исключением геометрических познаний Плавильщикова, которому можно ото всей души пожелать вместо мифического шестиметрового охвата один небольшой и скромный охват кружком по изучению геометрии.

КУКУДЖАНОВ.

Батум

Дорогой Крокодил!

Пожалуй, ни в одном из многих тысяч совхозов нашего Союза не охраняется с такой тщательностью и строгостью, как в нашем совхозе, авторитет церковного старосты. Все склады, кладовые и гараж опечатываются у нас на ночь круглой металлической печатью с авторитетной и внушающей священный трепет надписью:

«Церковный староста Ивановского прихода».

По прихоти директора совхоза тов. Артемьева эта печать применяется в нашем совхозе по сей день к радости богомольных старушек всей округи. Политотдельская печать нашего совхоза, к сожалению, бессильна против круглой печати церковного старосты, почему я и обращаюсь в центральную печать.

Редактор политотдельской газеты Первомайского свиновозовхоза.

В. СТЕЦКИЙ.

Ст. Камаргача, Восточносибирской ж. д.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редакция: Л. ГИНЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. РОВИНСКИЙ.

Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием жедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.—1 р. 20 к. в м. ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва. Изд. № 1192 Сдача текста и рисунков 11/ХП-34 г. Подпись к печати—29/ХП-34 г. Стафформат А9—220×333 Печатных листов 3. Количество знаков в 1 печ. листе 120.000

Уполномоченный Главлита № Б—41713. 2-й филиал тип. газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, Сушевский вал, 49. Зак. № 844. Тираж 300.000

М 3375
В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

**МОСКВА
СТОЛИЦА ПРОЛЕТАРИЕВ
ВСЕГО МИРА**

АРХИВ
16 ЯНВ 1935
Г. Ц. К. П.

СССР
ОТЕЧЕСТВО
ТРУДЯЩИХСЯ

Рис. Бор. Ефимова

— Здравствуй, друг!